

На правах рукописи

Мисиева Луиза Ахмедовна

**ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ
АВАРСКОГО ЯЗЫКА:
ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ**

5.9.5 – Русский язык. Языки народов России

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Майкоп 2023

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Дагестанский государственный университет»

Научный консультант **Самедов Джалил Самедович,**
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Воркачев Сергей Григорьевич,**
доктор филологических наук, профессор, кафедра иностранных языков №1 ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет», профессор;

Киева Зуфира Хаджибикаровна,
доктор филологических наук, доцент, отдел ингушского языка ГБУ «Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева», заведующий отделом;

Халиков Магомед Магомедович,
доктор филологических наук, профессор, кафедра лингвистики ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет путей сообщения», заведующий кафедрой

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «**Чеченский государственный педагогический университет**» (г. Грозный)

Защита состоится 27 апреля 2023 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета по филологическим наукам 24.2.267.03 при ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208, конференц-зал.

С текстом диссертации можно ознакомиться в научной библиотеке им. Д.А. Ашхамафа ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Пионерская, 260, и на сайте университета [http: https://adygnet.ru/nauka/aspirantura-doktorantura-dissertatsionnye-sovety/dissertation/5033/](http://https://adygnet.ru/nauka/aspirantura-doktorantura-dissertatsionnye-sovety/dissertation/5033/)

Автореферат разослан «___» _____ 2023 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

 Е.А. Богданова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация посвящена комплексному многоаспектному исследованию этнолингвистических особенностей формирования и функционирования паремиологических единиц аварского языка. Паремиологические единицы аварского языка как фрагмент национальной языковой картины мира отражают материальную и духовную культуру аварского этноса, его историческое прошлое, отношение людей друг к другу и к различным жизненным ситуациям, представления о справедливости-несправедливости, добре-зле, правде и неправде, об истинных и мнимых ценностях, морали и нравственности и т.д. В целом в паремиях отражается менталитет аварского народа.

В широком понимании термина «паремиологические единицы» фразеологизмы нами включаются в состав паремий, в связи с чем в дальнейшем в диссертации в основном используется понятие «паремиологическая единица» (пословицы, поговорки и фразеологические единицы). Фразеологические единицы нами понимаются как сверхсловные, воспроизводимые и общеупотребительные структуры, как вторичные образные номинации реалий окружающей действительности.

Степень разработанности проблемы. По проблематике данной работы изданы научные работы, в которых затрагиваются различные проблемы лексического состава, структурно-грамматической организации и лингвокультурологических свойств фразеологических и паремиологических единиц дагестанских языков. Это научные статьи, монографии, кандидатские и отдельные докторские диссертации, выполненные на материале дагестанских языков, в которых поднимаются вопросы, имеющие прямое или косвенное отношение к тематике нашего диссертационного исследования. В подавляющем большинстве это работы по фразеологии дагестанских языков, а также исследования, посвященные анализу в разных аспектах паремиологических единиц.

В работах по дагестанской фразеологии поднимаются различные вопросы структурно-грамматической, лексико-семантической организации, числовой символики и национально-культурной специфики компаративных и некомпаративных фразеологических единиц разных дагестанских языков: даргинского [Исаев, 1988, 1989, 1991, 1996], агульского [Гасанова, 2000, 2004, 2016], аварского [Абдулаева, 2005; Абдуразакова, 2014; Магомедова П.А., 2006; Абдуразакова, Самедов, 2009; Алиханова, 2011а, 2011б, 2011с, 2011д, 2011е, 2014, 2017; Довлетмурзаева, 2010, 2011], лакского [Гаджиева, 2005; Магадова, 2011, 2012а, 2012б, 2014; Рамазанова З.М., 2016; Рамазанова У.К., 2010а, 2010б, 2011а], андийского [Харчиева, 2011, 2012; Магомедова П.Г., 1998], табасаранского [Казимагомедова, 2011] и т.д.

В ряде статей, выполненных на фразеологическом материале генетически родственных дагестанских и неродственных языков поднимаются вопросы исследования фразеологических и паремиологических единиц в собственно лингвистическом и лингвокультурологическом аспектах [Гаджихмедов, 2004, 2006, 2012; Самедов, 2006, 2008, 2010а, 2010б, 2010с,

2011; Казимагомедова, 2010, 2012, 2013а, 2014; Казиханова, 2008; Курбанисмаилова, 2012; Шахманова, 2006а, 2006б, 2008а, 2008б] и т.д.

В научных трудах по дагестанским языкам поднимаются также вопросы лингвистического и лингвокультурологического исследования фразеологических и паремиологических единиц аварского [Магомедова А.Н., 2012а, 2012б, 2013, 2016], арчинского [Магдилова, 2004, 2014], табасаранского [Гасанова, 2011, 2012а, 2012б, 2012с, 2012д, 2012е, 2013, 2015, 2016], лезгинского [Буржумова, 2011], лакского [Каллаева, 2011] или разных дагестанских языков [Маллаева, 2010; Гайдарова, 2010; Муртузалиева, 2010]. Отдельные исследования по паремиологии носят сопоставительно-типологический характер [Исаева, 2015, 2017].

Защищенные диссертации в основном посвящены проблемам исследования фразеологических единиц в лингвистическом и лингвокультурологическом аспектах: Абдуразакова З.Г. «Компаративные фразеологические и паремиологические единицы в аварском и русском языках» (2014), Гаджиева С.Г. «Структурно-семантические особенности компаративных фразеологических единиц лакского языка» (1995), Гасанова С.Н. «Сравнительный анализ соматических фразеологических единиц восточнолезгинских языков» (1992), Дибирова А.С. «Метафорическая фразеология аварского языка в сопоставлении с английской» (2006), Идрисова Н.П. «Фразеологические единицы со значением качественной характеристики человека в аварском и английском языках» (2007), Исаев М.-Ш.А. «Структурная организация и семантика фразеологических единиц даргинского языка» (1996), Кураева М.Н. «Соматическая фразеология каратинского языка» (1998), Магадова С.Ц. «Концепт «человек» в зеркале лакских фразеологических единиц» (2017), Магомедова М.М. «Сопоставительное исследование гендерной лексики и фразеологии лезгинского и русского языков» (2006), Мусаева П.Г. «Фразеологические и паремиологические единицы с компонентом-зоонимом лакского и английского языков» (2008), Пайзулаева З.Х. «Компаративные фразеологические единицы аварского и английского языков» (2010), Рамазанова М.Ш. «Фразеология аварских народных сказок» (2009), Рамазанова У.К. «Концепты «эмоции» и «интеллект» в лакской и русской фразеологии» (2012), Самедов М.Д. «Фразеологические единицы, обозначающие эмоциональные и интеллектуальные состояния человека в английском и арчинском языках» (2006), Хангереев М.-Б. Д.-Г. «Сравнительный анализ соматических фразеологических единиц аваро-андийских языков» (1993).

Особую значимость для решения проблем нашего исследования представляют диссертации, выполненные на материале паремиологических единиц дагестанских языков: докторская диссертация Гасановой М.А. «Табасаранские пословицы и поговорки: лингвистический и лингвокультурологический аспекты» (2015), кандидатская диссертация Исаевой Э.М. «Вербализация концепта «Любовь к «противоположному полу» в паремиологических единицах: на материале аварского, русского и английского языков» (2019), кандидатские диссертации Абдулаевой Р.Н.

«Идейно-тематическое и художественное своеобразие аварских пословиц, поговорок и загадок» (2005) и Гасановой Ф.Д. «Пословицы и поговорки лезгин в сравнении с паремиями азербайджанцев» (2006).

Вместе с тем, несмотря на многочисленные работы по исследованию фразеологии дагестанских языков, до конца нерешёнными остаются вопросы теоретического и методологического характера, связанных с выявлением и описанием этнолингвистических и когнитивных особенностей функционирования паремиологических единиц аварского языка. Таким образом, значимым в научно-теоретическом и прикладном аспектах для дальнейшего развития кавказских языков представляется исследование паремиологических единиц отдельных дагестанских языков (письменных и особенно бесписьменных).

Актуальность темы исследования определяется важностью изучения аварских паремиологических единиц с учетом их лексико-семантических, морфологических, структурно-грамматических (синтаксических) и лингвокультурологических признаков. В связи с этим достаточно большой объем антропоцентрических паремиологических единиц аварского языка, вводится в научный оборот в нашей работе впервые. Ряд паремиологических образов носит национально-уникальный характер (особенно образы, построенные на основе принципа алогизма), в связи с чем имеется возможность оценить обобщенно-образные результаты осмысления и исторической интерпретации носителями аварского языка фрагментов материальной и духовной жизни народа; того, каким должен быть человек и как он должен относиться к окружающим. Весь корпус исследуемого материала имеет отношение к идее антропоцентризма в языке, к «следам», которые оставил человек в паремиологических единицах, что способствует расширению наших представлений об эмоционально-психических, интеллектуальных, морально-нравственных, общечеловеческих и ментально обусловленных составляющих человека, а также в целом об образе человека в языке и культуре.

Объектом исследования диссертации являются разноструктурные этномаркированные паремиологические единицы аварского языка, репрезентирующие образ человека.

Предмет исследования – языковые компоненты, репрезентирующие этнолингвистические особенности функционирования антропоцентрических паремиологических единиц аварского языка.

Материал для проведения диссертационного исследования был собран из фразеологических и паремиологических словарей аварского языка: Алиханов З. «Сборник пословиц, поговорок и загадок аварского народа» (1963), Алиханов З. «Аварские пословицы и поговорки» (1972), Алиханов З., Алиханов С. «Аварские пословицы и поговорки» (2012), Магомедханов М.М. «Фразеологический словарь аварского языка» (1980), Магомедханов М.М. «Аварско-русский фразеологический словарь» (1983), Магомедханов М.М. «Немецко-русско-аварский фразеологический словарь» (1992), Магомедханов М.М. «Аварско-русский фразеологический словарь» (1993), Хайбулаев М.,

Хайбулаева М. «Аварско-русский словарь соматических фразеологизмов» (2004); из двуязычных аварско-русских и русско-аварских словарей: Саидов М.-С., Микаилов Ш.И. «Русско-аварский словарь» (1951), Саидов М.-С. «Аварско-русский словарь» (1967), Исаков И.А., Хайбулаев М.-Р. «Русско-аварский словарь» (1992), «Русско-аварский словарь» под ред. С.З. Алиханова (2003); из словарей фразеологии и устойчивых выражений отдельных аварских писателей и поэтов: Хайбулаев М.Х. «Фразеология в поэзии Гамзата Цадасы» (2006), Магомедханов М.М. «Словарь устойчивых словосочетаний языка Расула Гамзатова» (2012); из аварских народных сказок, народных песен, историко-героических песен и баллад: «Аварские народные сказки» / сост. М. Саидов (1965), «Аварские народные сказки» / сост. Муртазалиев М.М. (1958), «Аварские народные сказки» / сост. А. Абдурахманов, М. Халидова (1990), «Аварские народные сказки (сто лучших аварских сказок)» / сост. Д.М. Атаев (1998), «Аварские народные песни» / сост. Хайбулаев С.М., Гимбатов М.-К. (2001), «Героические песни и баллады аварцев. Тексты. Переводы. Комментарии» / под общей ред. акад. Г.Г. Гамзатова (2003); из словаря аварских благопожеланий и проклятий: Магомедсалихов Х.Г. «Благопожелания и проклятия аварцев. Тексты. Переводы. Проклятия» (2007), а также из произведений аварской художественной литературы. В случаях необходимости сопоставительного анализа фразеологических единиц используется также материал словарей по русской фразеологии: Фелицына В.П., Мокиенко В.М. «Русские фразеологизмы: лингвострановедческий словарь» / под ред. Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова (1990). «Большой фразеологический словарь русского языка» / отв. редактор В.Н. Телия (2006). Всего для сбора материала использовано 25 источников [см. список источников].

Гипотеза исследования. Паремиологические единицы аварского языка обладают рядом специфических лексико-семантических, морфолого-синтаксических, национально-культурных, прагматических признаков и являют собой этнокультурный феномен языка, дающий представление об универсальных и специфических признаках аварской национальной языковой (фразеологической и паремиологической) картины мира, отражающей менталитет, историческое прошлое, духовную и материальную культуру, морально-нравственные и эмоционально-интеллектуальные ценности, отношение к человеку и к самому себе носителей аварского языка как одного из генетически родственных дагестанских языков.

Цель работы заключается в изучении и описании лингвокультурологических и когнитивных особенностей формирования и функционирования антропоцентрических паремиологических единиц аварского языка.

Задачи диссертации определяются поставленной целью и сводятся к следующему:

1) определить основные теоретические проблемы исследования паремиологических единиц аварского языка;

2) выявить и описать лексико-семантические и морфолого-синтаксические признаки компонентов аварских антропоцентрических паремиологических единиц;

3) проанализировать аварские антропоцентрические паремиологические единицы с религиозным кодом культуры;

4) определить и описать роль языковой символики в гендерно-маркированных фразеологических и паремиологических единицах в контексте их национально-культурных компонентов;

5) дать морфолого-словообразовательную характеристику компонентов аварских антропоцентрических паремиологических единиц;

6) раскрыть функционально-семантическую роль экспрессивно-оценочных существительных в аварских антропоцентрических паремиологических единицах;

7) описать аварскую концептуальную картину мира через призму антропоцентрических паремиологических единиц;

8) определить типологически общие и национально-культурные особенности аварских паремиологических единиц и формируемых ими образов в рамках антропоцентрической парадигмы.

Методы исследования. Поскольку в диссертации фразеологические и паремиологические единицы рассматриваются в лингвистическом и лингвокультурологическом аспектах, то здесь используется комплексная методика исследования. Реализация поставленных задач в связи с этим осуществлялась *следующими методами*: а) описательный метод, б) сопоставительный метод (при частичном сравнительно-сопоставительном анализе аварских гендерных фразеологизмов и паремий с аналогичным материалом других языков), в) метод компонентного анализа единиц языка, г) методы и приемы лингвокультурологии (при концептуальном анализе аварских гендерных фразеологизмов и паремий для характеристики их национально-культурных компонентов), д) методы когнитивной лингвистики (при причинном обосновании внутренних образов фразеологических и паремиологических единиц).

Теоретико-методологической основой исследования послужили концепции и научные положения, разработанные в рамках следующих научных направлений: этнолингвистики и фразеологии, лингвокультурологии и когнитивной лингвистики, дагестанской фразеологии и паремиологии (Н.Ф. Алефиренко (2009), Ю.Д. Апресяна (1995), Н.Д. Арутюновой (1998), З.Х. Бижевой (2000), А. Вежбицкой (1996), Н.Н. Велецкой (1978), Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова (1982), В.В. Виноградова (1977), С.Г. Воркачева (2007), В.В. Воробьева (2008), Н.У. Вороковой (2003), В.Г. Гака (1999), С.Н. Гасановой (2000), М.А. Гасановой (2015), А.И. Геляевой (2002), А.Г. Гюльмагомедова (1990), Ю.Н. Емельянова (1992), М.-Ш.А. Исаева (1996), В.И. Карасика (2002), М.М. Магомедханова (1972), В.А. Масловой (2004), А.М. Мелерович (2008), В.М. Мокиенко (1989), А.Ф. Назаревич (1997), Т.Г. Никитиной (1998), Г.Л. Пермькова (1988), З.Д. Поповой (1999), А.Н. Приходько (2008), Т.Б. Радбиля (2010), Л.Б. Савенковой (2002), Д.С. Самедова

(2010), Ю.П. Солодуба (1985), В.Н. Телия (1996), Н.И. Толстого (1995), А.Д. Шмелева (2002), Е.С. Яковлевой (1994), А. Wierzbicka (1992) и др.).

Положения, выносимые на защиту:

1. Национально-культурная специфика аварских антропоцентрических паремиологических единиц определяется спецификой национальных имен собственных (исходные ситуации, связанные с лицами, обозначаемыми этими именами, легли в основу соответствующих переосмысленных национально-культурных образов); названиями населенных пунктов, рек, топонимов, этнонимов, номинаций исторических событий, традиций и жизненных ситуаций, произошедших с участием лиц мужского или женского пола, а также лексическими единицами, номинирующие эстетически значимые качества предметов и животных (средства уподобления человека объектам внешнего предметного мира); отражением в соответствующих образах исторических иерархических общественных отношений; гендерной спецификой образов.

2. Часть аварских гендерных паремиологических единиц соотносится с религиозным кодом культуры и имеет оценочный характер, усиливаемый использованием лексических, морфологических и синтаксических средств (наименований лиц, культовых предметов, молитв, ритуалов, обрядовых действий, связанных с исламской символикой, а также различных фразеологизированных выражений оценочного характера).

3. Признак алогизма в поговорках и фразеологизмах формируется различными языковыми средствами – семантически несовместимыми словами, антонимическими противопоставлениями узуального и контекстуального характера, средствами гиперболизации, выполняющими усилительные функции.

4. Антропонимы в поговорках носят экспрессивно-оценочный характер и формируют соответственно антропный код культуры, усиливаемый оценочно-компаративным характером паремиологического образа.

5. Специфика лексико-семантического состава аварских паремиологических единиц и особенности их морфолого-синтаксической организации обусловлена наличием антонимических противопоставлений символического характера; эмотивный характер паремиологических образов формируется метафорическим употреблением существительных, соотносительных с разными кодами культуры, их символической интерпретацией, а также символизацией собственных имен, исторически связанных с конкретными ситуациями.

6. Концептуальный анализ аварских антропоцентрических паремиологических единиц, свидетельствует о специфичности и уникальности ряда лексико-семантических, лексико-синтаксических и морфологических языковых средств, а также национально-культурной природе этномаркированных паремиологических образов.

7. Важное место языковой символики в гендерно маркированных фразеологических и паремиологических единицах аварского языка в контексте

их национально-культурных компонентов обусловлено ролью женщины как носительницы социокультурных стереотипов аварского народа

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в диссертации впервые в системно-комплексном плане анализируются антропоцентрические паремиологические единицы аварского языка в лингвокультурологическом и когнитивном аспектах. В диссертационной работе впервые рассматриваются лексико-семантические, морфолого-синтаксические характеристики и национально-культурные признаки компонентов паремиологических единиц в произведениях художественной литературы, а также в текстах разных жанров аварского фольклора (сказках, народных песнях, в том числе в историко-героических песнях и балладах). Впервые также проводится концептуальный анализ паремиологических единиц, дающий возможность выявить и описать их гендерные особенности, языковую символику и национально-культурные компоненты, характеризующие менталитет носителей аварского языка как одного из представителей генетически родственных дагестанских языков.

Поскольку часть характеризующих фразеологических и паремиологических единиц аварского языка носит компаративный характер, то в диссертации впервые рассматриваются особенности образно-ассоциативного осмысления ситуаций, связанных с этнокультурно обусловленными свойствами, поведением и деятельностью человека; соответственно характеризуются национально-культурная языковая символика, образы и стереотипы.

Научная новизна диссертации заключается также в том, что при концептуальном анализе паремиологических единиц аварского языка выявляются и анализируются различные коды культуры, с которыми соотносятся компоненты фразеологических и паремиологических единиц, а также языковые средства их формирования. Проведенный в диссертации системно-комплексный анализ паремиологических единиц аварского языка позволил раскрыть и описать лингвистические, лингвокультурологические, прагматические, а также когнитивные основания формирования культурно значимого фрагмента аварской языковой картины мира.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно может способствовать дальнейшему развитию фразеологии и паремиологии дагестанских языков, формированию принципов и механизмов лингвокультурологического анализа паремиологических единиц как культурно значимых единиц аварского и других генетически родственных дагестанских языков. Полученные результаты расширяют и углубляют представления о фразеологических и паремиологических единицах как средствах отражения национально-культурных аспектов языка, о специфике исторического осмысления в сознании носителей языка семантики исследуемых единиц. Полученные в диссертации результаты могут служить основой для более широких типологических обобщений с привлечением материала других родственных дагестанских и неродственных (например,

русского) языков, что будет иметь научно-теоретическое и прикладное значение.

Лексико-семантический и концептуальный анализ гендерных фразеологических и паремиологических единиц аварского языка расширяют базу научно-теоретических сведений об особенностях образно-эмоционального и интеллектуального восприятия и осмысления окружающего мира носителями языка. Выявленные в диссертационном исследовании механизмы и закономерности паремиологической концептуализации национально-культурных доминант могут быть использованы для соответствующей системно-комплексной характеристики фразеологизмов и паремий дагестанских (как письменных, так и бесписьменных) языков в целом для выявления и описания как общих в историко-этимологическом плане, так и специфических для каждого языка признаков.

Практическая ценность. Материал и результаты исследования могут быть использованы в теоретических курсах по дагестанской (аварской) фразеологии и паремиологии, фразеографии, аварской лексикологии и грамматики (в связи с характеристикой лексико-семантического и грамматического состава рассматриваемых в диссертации фразеологизмов и паремий), лингвоконцептологии, межкультурной коммуникации, гендерной лингвистике, страноведению; на практических занятиях, спецкурсах, спецсеминарах по дагестанской и аварской фразеологии и паремиологии; при составлении учебных словарей фразеологических и паремиологических единиц с соответствующими лингвокультурологическими комментариями. Полученные результаты могут быть использованы в практике перевода, составлении двуязычных аварско-русских словарей пословиц и поговорок (изданные словари аварских пословиц и поговорок отражают только аварские варианты паремий), а также при составлении (в перспективе) лингвокультурологического словаря «Образ человека в зеркале аварских фразеологических и паремиологических единиц».

Апробация работы. Основные положения диссертации обсуждались на заседаниях кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Дагестанского государственного университета.

Результаты проведенного исследования докладывались на различных международных, всероссийских, региональных и межвузовских научных и научно-практических конференциях: на Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы лингвистики и языкового образования», посвященной 60-летию факультета иностранных языков Дагестанского государственного университета (Махачкала, 21 ноября 2013 г.), III Международной конференции «Научные исследования в сфере общественных наук: Вызовы нового времени» (Екатеринбург, 2014 г.), Всероссийской научно-практической конференции «Наука и молодежь: факторы становления инновационного общества» (ноябрь 2014г.), I Всероссийской научно-практической конференции «Молодые ученые – инициаторы новых подходов в образовании и науке: взаимодействие языков и культур в свете инновационных образовательных технологий»

(Махачкала, 2015), II Всероссийской научно-практической конференции «Молодые ученые – инициаторы новых подходов в образовании и науке: взаимодействие языков и культур в свете инновационных образовательных технологий», посвященной 85-летию Дагестанского государственного университета (Махачкала, март 2016 г.), XIII Всероссийской научно-практической конференции «Проблема жанра в филологии» (Махачкала, 2017, 2021 гг.), Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы изучения кавказских языков» (Махачкала, 2017 г.), Всероссийской научной конференции «Гамзатовские чтения – 2018» (Махачкала, 4-5 сентября 2018 г.), VI Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы лингвистики и языкового образования», посвященной 65-летию факультета иностранных языков Дагестанского государственного университета (Махачкала, ноябрь 2018г.), Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Языки коренных народов Кавказа – важный фактор устойчивого развития, построения мира и примирения» (Кизляр 2019 г.), IV Всероссийской научно-практической конференции «Молодые ученые – инициаторы новых подходов в науке и образовании: взаимодействие языков и культур в свете инновационных образовательных технологий» (Махачкала, ноябрь 2019 г.), XIV Всероссийской научно-практической конференции «Проблема жанра в филологии» (Махачкала, 2019 г.), Международной научной конференции «Языки и культуры народов России и мира» (Махачкала, 19-21 сентября 2019 г.), VII Всероссийской конференции «Актуальные проблемы лингвистики и языкового образования» (Махачкала, ноябрь 2020 г.), а также на итоговых научно-теоретических конференциях профессорско-преподавательского состава Дагестанского государственного университета (2014 – 2021 гг.).

По теме диссертации опубликовано 38 научных работ, в том числе 20 статей в изданиях из перечня ВАК Минобрнауки РФ.

Цель и задачи исследования определили **структуру работы**. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка литературы, насчитывающего 500 источников, списка условных сокращений. Общий объем диссертационного исследования 305 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновываются актуальность диссертационного исследования, теоретическая и практическая значимость работы, научная новизна исследования, степень изученности темы, определяются объект и предмет, цели и задачи, методика исследования; обозначена научная гипотеза, определена теоретическая и практическая значимость результатов исследования; приводятся положения, выносимые на защиту, определяется структура работы.

В **первой главе «Теоретические основы изучения паремиологических единиц аварского языка»** паремиологические единицы рассматриваются как объекты лингвистического и лингвокультурологического исследования. Дается обзор степени изученности современной паремиологии

как научной отрасли в целом и определяется степень лингвистического и лингвокультурологического описания как дагестанской паремиологии, так и аварской – в частности.

В разделе 1.1. **«Паремиологические единицы аварского языка как этнокультурный феномен: особенности формирования и классификации»** отражены общетеоретические сведения. Материал данного раздела имеет стратегическую направленность на последующие практические главы. Паремиологические единицы (пословицы, поговорки и фразеологические единицы) гендерного характера наряду с другими культурноносными единицами языка выступают в качестве достаточно ярких национально-культурных структур.

В связи с изучением паремиологических единиц в широком понимании в лингвокультурном аспекте используется также понятие «культурная коннотация»: имеется в виду, что национально-культурным может быть не только конкретный паремиологический образ, но и коннотативный компонент данного образа, являющегося фрагментом национальной языковой (фразеологической и пословично-поговорочной) картины мира.

Понятия культура, ритуалы, стереотипы, этнос, миропонимание, эталоны выступают определяющими в исследованиях этнолингвистической и лингвокультурной направленности. Поскольку именно через них воспринимается своеобразие этнического мышления и мировоззрения, что находит отражение в первую очередь в таких единицах, как фразеологизмы, пословицы и поговорки. Поэтому при их анализе и описании невозможно обойтись без обращения к этимологическому, страноведческому и историческому толкованию и комментированию.

Лингвокультурологический аспект исследования предполагает стереотипы фемининности и маскулинности, их репрезентацию в языке, а также концептов, актуализирующих понятия мужественности и женственности, гендерные метафоры и сравнения, сравнительно-сопоставительный анализ на материале различных языков.

Для исследователей, интересующихся лингвокультурной значимостью фразеологических единиц, в первую очередь представляют интерес те фразеологизмы, которые отличаются не только их денотативным содержанием, но и национально-культурными коннотациями, символами, эталонными характеристиками.

В аспекте рассматриваемой проблемы особую значимость приобретают пословицы и поговорки дагестанских народов, так как они являются источниками и хранителями этнокультурной информации, явно или имплицитно отражающей оценочные культурно-семантические модели окружающего мира, в том числе интерпретированного носителями конкретного языка в соответствии с особенностями образно-эмоционального и интеллектуального освоения и интерпретации окружающего мира.

Вместе с тем, в лингвистическом и лингвокультурологическом аспектах аварские гендерные пословицы и поговорки специально не исследовались. Соответственно не рассматривались возникающие при таком анализе

паремиологических единиц проблемы. В первую очередь – это проблемы, связанные с национально-культурной спецификой, собственно фразеологических единиц в узком смысле слова, а также аварских пословиц и поговорок, объединенно называемых в данной работе паремиологическими единицами.

Паремиологические единицы представляют большой интерес для исследований лингвокультурной и гендерной значимости. В первую очередь это паремиологические единицы, отличающиеся не только их денотативным содержанием, но и культурно-национальными коннотациями, символами, эталонными характеристиками.

К паремиологическим единицам относятся пословицы, поговорки, загадки, суеверия, скороговорки, поверья, прибаутки, приметы, которые также нередко включают во фразеологию. Но есть и такое мнение, что к паремиям следует относить только пословицы и поговорки, поскольку именно они носят дидактический характер [Алефиренко 2009: 243]. В нашей работе под паремиологическими единицами понимаются пословицы, поговорки и фразеологические единицы.

На сегодняшний день вопрос, связанный с разграничением фразеологических и паремиологических областей, является дискуссионным.

Существуют разные способы разграничения паремиологических и фразеологических единиц. Один из них, предлагаемый Г.Л. Пермяковым, синтаксический. А именно, паремии рассматриваются как готовые коммуникативные единицы с устойчивым составом, оформленные в виде типичных предложений. Фразеологизмы же представлены в виде типичных словосочетаний. А поговорки занимают промежуточное положение в форме неполных предложений.

В настоящем исследовании за рабочее определение пословицы принято следующее: «Пословица – краткое, устойчивое в речевом обиходе, как правило, ритмически организованное изречение назидательного характера, в котором зафиксирован многовековой опыт народа, имеет форму законченного предложения (простого или сложного). Пословица обладает буквальным или переносным смыслом или только переносным и легко противопоставляется свободному предложению такого же лексического состава» [ЛЭС, 1990: 389].

Т.е., если поговорка допускает переменность своих членов и может видоизменяться и ситуативно подстраиваться, то пословицу отличает закрытая структура и непроницаемость. Назидательность и строгая дидактичность пословицы противопоставляется прагматике поговорки, которая сводится к намеку, характеристике или простой констатации события или состояния.

Специфика паремиологических единиц, их структура, семантика и прагматика обусловлены не только языковыми особенностями, но и культурными. Адекватное, успешное декодирование и употребление пословичных высказываний предполагает обязательный учет их культурных коннотаций. Именно лингвокультурологический анализ описывает семантику паремиологического образа в разрезе определенной культуры с учетом ее архетипов, символов, мифологем, стереотипов, эталонов, различных

культурных кодов, т.е. рассматривает его как культурно-значимую единицу, в которой актуализируется своеобразие мировосприятия и миропонимания отдельного этноса.

Паремии – это единицы, хранящие опыт и историческое мировосприятие и миропонимание этноса, вбирающие в себя маркеры национальной культуры, которые, как правило, закодированы во внутренней форме паремиологического образа.

Пословицы и поговорки как наиболее «востребованная» в коммуникативно-прагматическом отношении часть фольклорного наследия хранят опыт и историческое миропонимание этноса, его ценностные представления и ориентиры. Л.Г. Пермяковым выделено семь прагматических целей использования пословиц и поговорок [Пермяков 1988: 88]: *моделирующая функция*, конструирующая возможные ситуативные схемы; *поучительная функция*: регламентирующая кодекс норм и правил поведения; *прогностическая функция*: заключается в прогнозировании, предсказании возможных событий, будущего; *магическая функция*: когда высказывания носят перформативный характер, т.е. побуждают к определенным действиям, когда через пословичный дискурс происходит навязывание кому-либо или чему-либо своей воли; *негативно-коммуникативная функция*, когда поговорка служит отводом, формальной репликой; *развлекательная функция*: вносит в контекст комический эффект; *орнаментальная функция*: когда паремии используются как средство «украшения» речи, делают ее образной и живописной, придают особый этноколорит.

Другими исследователями выделяются еще и такие функции, как *утверждающая*, *оценочная*, *перспективная* [Крикманн 1984: 167]; *назидательная* [Тарланов 1993: 167]; *кумулятивная и директивная*, воздействующая на адресата [Верещагин, Костомаров 1983: 56].

Паремиологические единицы выступают универсальными моделями поведения, которые реализуются в перечисленных выше функциях. Поэтому с одной стороны, мы рассматриваем пословицы и поговорки как место, источник хранения важной социально-культурной информации, а с другой – интерпретируем их как предписываемые формы поведения, регламентирующее отношение человека ко всему.

Существует мнение, что признание этноспецифичности паремий сводится к выявлению в них безэквивалентной лексики, уникальных лексических компонентов, репрезентирующих этнокультурные реалии. В русском языке – это *гармонь, балалайка, блины, кафтан, кокошник* и др., а в дагестанских – *хинкал, кунак, папаха, намус* и др. или, например, собственные имена: *Хочбар, Парту Патима, Молла Насредин, Хаджимурат, Шарвели* (в дагестанских языках), *Сенька, Кондрашка, Машка* др. (в русском), которые составляют антропонимический код культуры и зашифрованные в нем ценности и антиценности, актуализируются в коллективном сознании носителей разных языков и культур. Такие имена всегда связаны с культурой региона и формируют национальный колорит и стереотипные гендерные представления. Поэтому антропонимы, задействованные в паремиологических

единицах, часто содержат информацию культурного характера, поскольку имена выступают своего рода трансляторами и символами каких-либо событий, этнической ментальности.

В пословицах и поговорках через моделирование определенных ситуаций актуализируются те или иные смыслы, которые могут быть не доступны не носителям языка, поскольку опираются на фоновые знания. Это включение в пословичное пространство этнокультурных реалий и прецедентных феноменов, дешифровка которых требует лингвокультурного и этимологического подходов.

Важным является раскрытие общекультурного фона паремиологической картины мира путем историко-этимологического комментирования. Это позволит не только реконструировать исходный образ и объяснить первичную мотивацию значения, но и выявить универсальное и этноспецифическое в означивании того или иного фрагмента действительности в разных языковых картинах мира.

Исследователями не раз отмечался прецедентный характер паремиологических единиц, признание их готовыми культурными знаками, входящими в сферу культурно-языковой компетенции коммуниканта и характеризующимися прагматической направленностью и обширным эмотивно-экспрессивным потенциалом. Они преимущественно носят дидактический характер, реализуя тем самым свою основную функцию – инструктивную. То есть паремиологический образ репрезентирует ценностно-значимую модель поведения, которая может носить и универсальный характер, но при этом должна быть обязательно присуща данной лингвокультуре.

В паремиологии внимание акцентируется на главном предмете исследования – этнокультурной специфике паремиологических единиц. Они рассматриваются как культурно-языковые знаки, в которых отображается народная философия и психология [Бондаренко 1995; Телия 1996; Гвоздарев 1998; Савенкова 2002].

Анализ языкового материала подтверждает андроцентричность, мужскую (маскулинную) картину мира, где женщина – это объект. Поэтому, в дагестанских языках имеют место инструктивные пословицы по выбору будущей жены, какой она должна быть и на что обращать внимание, но практически нет паремий, которые бы содержали советы для женщин по выбору мужа.

Пословицы и поговорки нами рассматриваются как единицы, отражающие мировоззрение лингвокультурного дагестанского (аварского) сообщества, и специфику эмотивно-интеллектуального осмысления реальности в зависимости от признака пола.

В отечественной лингвистике пословичный фонд исследовался как малый жанр фольклора. Паремиологические единицы описывались как в литературоведческом, так и в лингвистическом аспектах. Сегодня наблюдается приоритет исследований в лингвокультурологическом ключе.

В лингвистическом и лингвокультурологическом аспектах аварские гендерные пословицы и поговорки специально не исследовались. Соответственно не рассматривались возникающие при таком анализе паремиологических единиц проблемы, о которых говорится в разных разделах настоящего диссертационного исследования.

Наиболее ярко фиксируют и транслируют этносвоеобразие культуры и быта этноса фразеологические и паремиологические единицы языка антропоцентрической направленности. Знание фразеологического и пословичного фондов языка составляет область фоновых знаний, языковую компетенцию, позволяющие глубже понять менталитет и психологию носителей языка. Поэтому исследования в области паремиологии и фразеологии представляют особый интерес для таких областей, как лингвокультурология и этнолингвистика.

Раздел 1.2. «**Национально-культурная специфика фразеологических единиц в аварском фольклоре**» затрагивает специфические образы, актуализированные фразеологическими единицами аварских фольклорных текстов.

Национально-культурные языковые единицы разных уровней (лексические, лексико-морфологические, собственно морфологические, лексико-синтаксические, паремиологические и т.д.) достаточно продуктивно используются в текстах разных жанров аварского песенного фольклора (в колыбельных песнях для детей, в лирических и шуточных народных песнях, историко-героических песнях, плачах и балладах). Такие единицы отражают особенности аварской материальной и духовной культуры, менталитета аварского народа, гендерных стереотипов и качеств (внешних и внутренних) лиц мужского и женского пола, исторического прошлого аварцев и т.д.

Лингвистический и лингвокультурологический анализ по типам (жанрам) фольклорных текстов выявил жанровую специфику фольклорного текста, актуализированные в них коммуникативные намерения и адресатность, определяющие национально-культурную специфику тех или иных языковых единиц, (в том числе – фразеологических):

Тексты колыбельных песен для детей имеют свой конкретный адресат, в зависимости от чего они подразделяются на две группы: 1) колыбельные песни для девочек (*ясазе ахЛулел* «исполняемые для девочек») и 2) колыбельные тексты для мальчиков (*васазе ахЛулел* «исполняемые для мальчиков») [Аварские народные песни 2001: 4–31].

В каждой группе колыбельных песен используются гендерно обусловленные языковые средства, в том числе фразеологические единицы, отличающиеся национально-культурной спецификой. Основой дифференциации фразеологических (а в широком смысле – паремиологических) единиц как в денотативном, так и коннотативном аспектах соответственно служит в данном случае гендерный фактор.

В текстах колыбельных песен для девочек чаще используются национально-культурные фольклорно-поэтические фразеологизмы, описывающие внешний облик девочек или отождествляющие внешний облик

девочек колыбельного возраста с различными предметами эстетического содержания окружающего материального мира:

Биун гIарцул тIурай гъай,

Меседкунил гIомо гъай.

Из серебра [частого] вылита она,

Золотых ниток моток она.

Фразеологизированные выражения паремиологического характера используются и в колыбельных песнях, исполняемых для мальчиков. Обычно визуальные антропоцентрические паремиологические единицы (метафоры) оценочного характера используются не столько для обозначения внешней красоты лиц мужского пола, сколько для актуализации их внутренних качеств и свойств. Но колыбельные песни составляют исключение (по причине актуализации возрастного признака), поэтому здесь используются паремии (=ФЕ), оценивающие отражающие как внешние эстетически значимые признаки, так и внутренние:

Меседил хатI хъвараб

Мисрияб хвалчен.

Золотом расписанный

Египетский кинжал [ты].

В **фольклорных шуточных песнях** непродуктивно используются паремии, имеющие отношение к гендерному признаку. Такие паремии фразеологического характера обозначают мужские и женские качества непосредственно (прямо) или косвенно.

Гъобо чIун батана, ирга батичIо,

Ирга хъихъун чIарав цо вас ватана.

Мельница стояла, и не дошла очередь [моя],

Нашла юношу, кто за очередью следил (букв. «ухаживал»).

(«Эбелаль гъабихъе йитIарай ясалъул кечI»/

«Песня дочери, отправленной на мельницу матерью»)

Гендерные национально-культурные фразеологические единицы продуктивно используются в **фольклорной любовной лирике** и в так называемых по жанру **коротких стихах**. Такие фразеологические образы соотносятся с разными кодами культуры – с **зооморфным, растительным, природным, соматическим** и т.д.

Гъудул йижун йиго, дир ракI бахъуней,

Рогъалиль ахIулэб хIинчI гIадиной яс.

Живет подруга, отнимающая у меня сердце,

Подобная птице, поющей по утрам.

В аварском фольклорном материале представлены так называемые **короткие стихи**. Фразеологические национально-культурные единицы, в основе которых лежат различные культураносные метафоры, используются и здесь.

Наиболее продуктивно в коротких стихах употребляются фразеологические единицы, соотносительные с зооморфным кодом культуры, дающие возможность номинировать качества лиц мужского и женского пола

путем сравнительного уподобления. В качестве таких ключевых зоонимов, формирующих в их оценочно-переносном употреблении метафорические национально-культурные образы, обычно выступают следующие слова:

а) «мужские» символы: *итаркЮ* (*уст.-поэт.*) «сокол» (символ свободы, отваги), *жайран* «конь»- *поэт.* (символ грациозности, силы) и т.д.

б) «женские символы»: *микки* «голубь», *мокъокъ* «куропатка» (символизирует изящество походки женщины, её собранность, четкость в действиях) и др.

Цоралдаса вачИинчЮ

Мильир хъахIаб итаркЮ.

Не вернулся из Цора

Сокол белоногий.

Особый интерес представляют тексты **аварских фольклорных историко-героических песен**. Поскольку в таких фольклорных произведениях речь идет о героических сражениях в прошлом с внешним врагом, а также о внутренних конфликтах, то, естественно, здесь при помощи различных языковых средств, в том числе национально-культурного характера, обрисованы образы воинов, в связи с чем, в первую очередь, используются средства маскулинного характера, мужская символика.

В тех же эпизодах, в которых изображаются страдания женщин (матерей, сестер, жен), потерявших сыновей, мужей, братьев в военных походах и набегах, а также в сражениях с внешним врагом (например, с войсками Надир-шаха), используются как лексические, так и фразеологические средства национально-культурного характера.

Гляде къачIараб, гъанда бацI гIадин,

КъачIана Таймас-хан Дагъистаналде.

Как волк с коротким хвостом, собирающийся на овец напасть,

Собрался Таймас-хан на Дагестан [напасть].

(«Надир-шагъ цуцухъ виххизави» - «Разгром Надир-шаха»)

В аспекте поставленной проблемы интересен также материал такого жанра фольклора, как **народные плачи**. В отдельных случаях содержится указание на автора плача и на причину оплакивания. Плачи сочинялись и исполнялись женщинами, поэтому очевиден их гендерный характер и то, что в эмоциональном состоянии плакальщица дает оценочные характеристики, не различая оплакиваемых лиц по признаку пола и подбирая красочные средства фразеологического (метафорического) характера. Языковая специфика, особенности использования тех или иных экспрессивно-оценочных изобразительно-выразительных средств зависит от того, лицу какого пола (мужского или женского) посвящен текст плача. Имеет значение также возрастной признак (например, плач по случаю гибели маленькой девочки или незамужней девушки).

РагIарабиц, вацал, панаяб хабар,

Пилл магъиялда тIаде ракъ хъвараб,

Гариул матIуялда тIад къаву чIвараб?

Слышали ли, братья, плохую весть,

На слоновую кость загребли землю,
Серебряные часы ржавчиной покрылись.

(«*Шамил имамасул вас Гъазимух/Амадиде*» -
«Плач по сыну имама Шамиля Газимагомеду»)

Из рассмотренных маскулинных и фемининных образов национально-культурного характера именно в образах, использованных в текстах аварских колыбельных песен, пересекаются гендерный и возрастной признаки. Такое обстоятельство имеет свои последствия.

Во-первых, одни и те же образы могут быть использованы как маскулинные и фемининные, что говорит о недоминирующей роли признака биологического пола ребенка. Во-вторых, по этой же причине в колыбельных песнях, исполняемых для мальчиков, используются образы, связанные с актуализацией внешнего облика (красоты) мальчиков, что не характерно при гендерной оценке взрослых мужчин. Таким образом, в колыбельных песнях, исполняемых для детей, нерелевантен признак пола, чем определяется использование в целом однотипных образов для характеристики (эмоциональной оценки) как мальчика, так и девочки.

Вместе с тем даже при использовании слов одного культурного кода (например, компонентов зооморфного кода культуры), имеет место определенная специфика дифференцированного названия отдельно мальчика и девочки. Так, например, с одной стороны, для оценочного описания и мальчика, и девочки в составе фразеологического образа могут быть использованы одни и те же зоонимы типа *къеглер* «ягненок» и *бурутI* «козленок», с другой же стороны, слова типа *хух* «ягненок» используются только по отношению к мальчикам. В любом случае более релевантным в текстах колыбельных песен оказывается возрастной признак, а не гендерный.

Особый интерес для национальной аварской языковой картины мира в лингвистическом и лингвокультурологическом аспектах представляют тексты аварских *баллад*. Прежде всего, в текстах аварских баллад обращают внимание часто повторяющиеся фразеологические единицы с компонентами-соматизмами *тIул* «печень» и *чехь* «живот», представляющие собой фрагмент семантической группы фразеологизмов, обозначающих родственные отношения. Компонент *тIул* «печень» в основном используется в составе фразеологизмов, обозначающих родного (по матери) *брата* или реже *сестры*. Для фольклорных поэтических произведений характерно употребление фразеологизма *чохьол эбел* «родная мать» (букв. «живота [=утробная] мать») и др.

Как и в аварской фразеологии в целом, в фольклорных фразеологических единицах гендерного характера, особое значение приобретает менталитет носителей аварского языка, характер традиций и народных обычаев. Так, например, мать, обращаясь к сыну, отправляющемуся в военный поход, советует не садиться на коня, пока не выйдет из села или же ехать на коне тихо (*чу хьхьодон баче* «веди коня тихо»), что свидетельствует о принятой традиции, символизирующей уважение к старшим, к жителям села.

Или же, *мать, сестра, жена*, встречающие убитого во время военного похода *сына, мужа, брата*, сначала по этикету, принятому в обществе, здороваются с юношами, несущими носилки с покойником, просят остановиться и положить на землю носилки и только потом начинают причитать, при этом прося прощение за то, что так открыто выражаются эмоции (женщина при мужчинах даже в таких ситуациях должна быть сдержанной).

Такой факт свидетельствует о том, что в формировании аварской фольклорной паремиологической картины мира принимают участие не только лексические, фразеологические, паремиологические и другие культурноносные единицы языка, но и грамматические средства, что еще раз подтверждает факт взаимодействия языка и культуры в целом в рамках парадигмы «этнос – менталитет – культура – язык».

В разделе 1.3 «**Этнокультурные особенности аварских паремиологических единиц, построенных на принципе алогизма**» анализируются аварские гендерные паремиологические единицы, построенные на основе принципа алогизма и соответственно являющиеся важными составляющими концепта «человек». В характеризуемых паремиологических единицах в основном обозначаются негативные внутренние качества и поведенческие свойства лиц мужского пола, чем определяется их гендерный характер и ярко выраженная отрицательная оценочность. В абсолютном большинстве таких паремиологических единиц предикативно характеризующую роль играют причастия, совмещающие в себе определительную семантику и значение действия, наследуемое причастием от глагола.

Использование причастий объясняется тем, что в паремиях обозначаются различные внутренние качества человека, а также свойства его поведения в разных ситуациях, связанные с глагольной семантикой причастий (отнесенность обозначаемого качества лицу мужского или женского пола обозначается соответствующими классными показателями *-в* и *-й*: ср. *кварав* «съевший», *кварай* «съевшая»): *Гли цIунизе бацI тарав*. [Чтобы] овец охранять волка оставивший (= поручил волку охранять овец).

В таких паремиологических единицах, представляющих собой «фигуры противоречия», отражен образ человека, поступающего в определенных жизненных обстоятельствах нелогично: *Льадул бусен букIаго, накдарокъов вегулев* [прич.]. «Оставив (букв. «имея») постель жены, на сеновале ночующий».

Национально-культурная специфика в ряде приведенных выше паремиологических единиц создается употреблением в их составе названий национально-культурных реалий: *чIагла* «буза [хмельной напиток] местного производства», *къоно* «засов для запираания дверей», *накдарокъ* «специальный сарай для хранения мякины для скота».

Ситуация алогизма создается использованием ряда приемов, ключевыми из которых являются следующие:

а) употребление семантически несовместимых слов, логически противоречащих друг другу; б) использование антонимических (узуальных или контекстуальных) противопоставлений; в) актуализация языковых средств гиперболизации; г) усилительное использование средств формирования противительных-уступительных отношений (например, специальной формы уступительного наклонения глагола).

Национально-культурная специфика рассматриваемых образов создается употреблением в составе паремиологических единиц названий национально-культурных реалий, а также слов-символов, ставших культурными знаками языка.

Раздел 1.4. «Коды аварской культуры в паремиологических единицах» посвящен исследованию паремиологических единиц аварского языка, ориентированных на человека и соотносительных с религиозным кодом культуры, а также затрагивает проблему языковой символики во фразеологических и паремиологических образах, ориентированных на человека.

На коннотативном уровне паремиологические единицы с религиозным кодом культуры делятся на две группы:

а) паремии с положительной оценочной характеристикой человека (1); б) паремии, отрицательно оценивающие в основном лиц мужского пола (2), что свидетельствует о маскулинном (в основном) и частично фемининном характере аварских гендерных пословиц и поговорок: (1). *БетIер къотIаниги. как бачIого чIоларев* «Хоть голову отрубишь, будет молиться»; (2) *Гьекъон хадуб как балеv, кванан хадуб кIал колеv* «После выпивки намаз совершает (=молится), после того как поел, пост соблюдает».

Количественный анализ такого типа паремиологических единиц с точки зрения их коннотативного характера свидетельствует о том, что паремии с отрицательными оценками человека составляют большинство из рассматриваемого материала. Такой факт, на наш взгляд, объясняется тем, что соблюдение религиозных предписаний и обрядов представляется как нечто обязательное для мусульманина, имеющее ценностно-мировоззренческий характер, связанный с пятью основами исламской религии. Следовательно, все это, как нечто обычное и обязательное, не требует особой положительной оценки в жизни мусульманина. И, напротив, несоблюдение обязательных ритуальных установок требует осуждения, негативной оценки со стороны религиозного сообщества, что, собственно, предопределяет выполнение соответствующими гендерными пословицами и поговорками достаточно жестких инструктивных функций.

В рассматриваемых паремиологических единицах национально-культурного характера используются слова в основном трех лексико-семантических групп религиозного содержания: 1) наименования лиц: *гIалимчи* «ученый-богослов», *дибир* «священник», *къади* «кадий» (судья по религиозным вопросам), *будун* «будун» (муэдзин); 2) слова, обозначающие молитвы, ритуалы, обрядовые действия: *как* «намаз», *бисмиллагь* «бисмилла»; 3) слова, связанные с культовыми предметами и исламскими

символами, что придает, естественно, пословицам и поговоркам национально-культурный и конфессиональный характер: *Къуръан* «Коран», *хъанч* «крест» (у христиан).

Паремиологические образы, соотносительные с религиозным кодом культуры, усиливаются не только использованием повторов союзных частиц, но и/или отдельных десемантизированных форм слов в роли усилительных частиц, что характерно для экспрессивных синтаксических конструкций аварского языка: ср. *якак гурев, я кIал гурев* «ни намаза [не совершает], ни поста [не соблюдает]».

Многие из характеризующих образов строятся на противительных или сопоставительных смысловых отношениях, предопределяемых соответствующими ситуациями, в которых человек ведет себя по-разному, и поддерживаемых словами различных лексико-семантических групп религиозного содержания, нередко имеющих национально-культурный характер. Компаративная оценка человека в таких паремиологических единицах предопределяет возможность использования узуальных или контекстуальных антонимических противопоставлений в разных формах.

Символические образы в аварском языке имеют национально-культурный характер. Аварские паремиологические единицы в этом плане отражают как общеджиганские, так и национально-культурные (связанные именно с языковым сознанием аварцев) особенности. Так, например, в аварских паремиологических единицах названия животных в основном компаративно символизируют негативные качества лиц мужского пола, о чем свидетельствуют следующие примеры: *Бихъинасе цIуле гурев, цIуясе дегIен гурев*. «Ни коза для самца [=козла], ни козел для самки [козы]» (о никчемности человека).

Многие аварские гендерные паремиологические единицы, в составе которых используется языковая символика, строятся на компаративной основе. Такой компаративный характер паремий связан с особенностями эмоционально-интеллектуальной и образно-ассоциативной интерпретации носителями языка символически номинируемых объектов действительности. Формируемые при этом паремиологические образы служат фрагментами национальной языковой (паремиологической) картины мира.

Национально-культурный характер паремиологических образов создается как характеризующей символикой, так и употреблением номинаций национально-культурных реалий: названий населенных пунктов, а также слов типа *хъаба* «глиняный горшок местного производства», *хIарччи* «деревянный поднос для еды» и др.

Отличаются национально-культурной значимостью паремиологические образы, соотносительные с предметно-вещным кодом культуры, где объекты, получившие символическую интерпретацию, характеризуются теми или иными типичными свойствами, качествами, переносно характеризующими человека. В таких паремиологических образах сопоставительно используются названия объектов, символизирующих противоречивые или просто плохие

качества, которые человек проявляет в разных обстоятельствах: *заз* «колючка» (символ жестокости) – *нах* «масло» (символ мягкости); *хьиру* «кремень» (символ жесткости, стойкости) – *квасквас* «хлопок» (символ мягкости); *квасквас* «хлопок» (символ слабости, мягкости) – *гьалбацI* «лев» (символ силы, превосходства); *цIам* «соль» (символ зла, злословия); *кIвекьмахх* «ножницы» - *рукIкIен* «иголка» (символы женского трудолюбия, хозяйственности); *чухъа* «черкеска» (символ благополучия, достатка) – *нацIцI* «вошь» (символ нищенства).

Имеет место употребление антропных метафор-символов и собственных имен, создающих национально-культурные коннотации: «*Бищун лъикIав багъадур*» - *кьалде ккечIев Майиндур* «Самый лучший герой» - не воевавший *Маиндур*».

Национально-культурная символика гендерных паремиологических образов часто определяется внутренней формой ставших символами, культурно значимыми эталонами и стереотипами языковых единиц. Называемые такими языковыми единицами объекты имеют национально-культурную окраску, связанную с их интерпретацией в сознании и восприятии носителей языка.

Экспрессивно-оценочный характер характеризуемых аварских пословиц и поговорок, а также отдельных фразеологизмов определяется переносным употреблением ряда лексических компонентов, исторически получивших символическую интерпретацию в языковом сознании аварцев.

В разделе 1.5. «**Особенности символического употребления антропонимов в аварских паремиологических единицах**» речь идет о специфике употребления антропонимов (мужских и женских имен собственных) в паремиологических единицах, ориентированных на человека. Анализ материала свидетельствует о том, что в символической функции (в целях оценочной характеристики человека) употребляются имена собственные, исторически получившие определенную символическую интерпретацию. К таким антропонимам, например, относится мужское имя собственное аварского легендарного фольклорного героя Хочбара, которого в достижении поставленных целей не останавливали никакие трудности и опасности: *Багъун чIалгIунареб тIехI бараб бече гIадин, диваналь къун чIоларев Хочобар гIадин*. «Как вечно бодающийся паршивый теленок, как не проигрывающий в суде Хочбар». В приведенном паремиологическом образе актуализируется настойчивость, упорство человека, желание во что бы то ни стало достичь своей цели. Другое исторически значимое имя *Хаджи-Мурад* (имя мюрида Имама Шамиля) используется в нескольких паремиях: ср. *БахIарчи цIакъав – Чондокъа ХIажияв, цIар – ХIажимурадие* «Хороший храбрец – Хажияв из Чондотля, а слава – Хаджимураду».

Иногда отрицательные коннотации паремиологических единиц формируются нарочитым изменением фонетической структуры антропонима. Такой вариант имени собственного (особенно мужского) приобретает стилистический оттенок, в силу чего паремиологический образ становится еще

более стилистически окрашенным: *Paɣlu ɣɔroɛ bɨtʃalɛv ɣɔrol Vuxʁuma* «Пускающий слова на ветер ветреный Вухума» [вместо Мухума].

Антронимические языковые средства в аварских паремиологических единицах, ориентированных на человека, отличающиеся экспрессивно-оценочными характеристиками, употребляются достаточно продуктивно. Соответственно такие антонимы формируют антропный код культуры, усиливаемый часто оценочно-компаративным характером соответствующего паремиологического образа.

Во второй главе «**Лексико-семантическая и морфолого-синтаксическая характеристика компонентов аварских паремиологических единиц**» анализируется соответственно ряд лексико-семантических и морфолого-синтаксических особенностей исследуемых паремий.

В разделе 2.1 «**Роль антонимических противопоставлений в аварских паремиологических единицах, отражающих внешний и внутренний облик человека**» рассматриваются особенности противопоставления слов разных частей речи (существительных, прилагательных, причастий и деепричастий) в составе характеризующих паремиологических единиц, что позволяет актуализировать одни качества человека (как правило, положительные) путем деактуализации других (негативных). В части таких паремий используются различные коды культуры и языковые знаки, ставшие национально-культурными символами.

Чаще путем такого противопоставления осуждаются отрицательные качества лиц мужского пола (например, трусость, глупость, болтливость, несдержанность и т.д.), что объясняется национальным менталитетом и высокими моральными требованиями к мужчинам в культурных традициях носителей языка.

Антонимия в паремиологических единицах может выступать фактором, поддерживающим и актуализирующим компаративную семантику. Кроме того, антонимические противопоставления могут выступать в качестве средств актуализации алогичных ситуаций действительности: *Глакьлу бикьулельул нахьа хутIарай, хабар бицунельул, цее канцIарай* «Когда ум раздавали – сзади была [не дошла], когда болтовню раздавали – вперед прыгнула».

Структурная организация составляющих частей таких паремий отличается симметрией противопоставленных компонентов, выраженных формами различных частей речи с разными значениями (субъектно-объектными, определительными и обстоятельственными): *Анив – дегIен, дова – цIуле* «Здесь – козел, там – коза», *Бицунев – глабдал, гIин тIамулев – цIодор* «Кто рассказывает (=откровенничает) – глупец, кто слушает – умный [человек]», *Вихьизе – бахIарчи, ватизе – хIалихьат* «На вид – герой, на деле – подлец». Антонимически противопоставляемые компоненты могут быть субстантивными, глагольными, адъективными наречными (реже). Глагольные компоненты, как правило, употребляются при обозначении действий, поступков человека, а адъективные – при актуализации различных качеств характеризуемого лица: *Бакь агиян, кьулун – кьо агиян, ворхун*

«Солнце пусть уйдет, думая, наклоняется [сгибается, чтобы трудиться], пусть день пройдет, думая, поднимается»; *Басрияб цулулалул цлияб гьалдибер, цлияй бахларалул херав бахларав* «Из старых дров новое седло, у молодой (букв. «новой») невесты старый жених».

Гендерный (маскулинный) характер характеризуемых паремий достаточно очевиден. Многие из рассматриваемых паремиологических образов характеризуют лиц мужского пола, для которых положительные, но мнимые (=показушные) качества изображаются осуждаемыми. В таких паремиологических образах используется субстантивная зооморфная метафора: названия животных выполняют символические функции, обозначая разные (положительные и отрицательные) качества людей: *бугьа* «бык» (символ силы, достоинства) – *бече* «теленочек» (символ слабости, никчемности), *хелеко* «петух» (символ задиристости, смелости) – *гланклу* «курица» (символ трусости).

Раздел 2.2. «**Аварские компаративные паремиологические единицы в структурно-семантическом аспекте**» посвящен характеристике различных кодов культуры и языковых знаков, ставших национально-культурными символами. Особенно часто используется зооморфная символика, позволяющая иносказательно и соответственно оценочно характеризовать человека.

Морфолого-синтаксические особенности ряда предикативных компонентов антонимического характера отличают паремиологические единицы от узуальных (общезыковых) антонимических противопоставлений. Антонимия в характеризуемых паремиологических единицах может выступать фактором, поддерживающим и актуализирующим компаративную семантику.

Компаративная семантика паремий, ориентированных на человека и соотносительных с разными кодами культуры, эксплицируется при помощи морфологических и лексико-синтаксических средств. Лексические средства создания компаративности в таких паремиологических единицах подверглись символизации и отличаются коннотативной наполненностью. Имеют место случаи, когда на специфику компаративного образа влияет гендерный фактор: *Мискинасе заз гладав, залимасе нахгладав* «Для бедных [=слабых] как колючка, для сильных как масло».

В морфологическом плане представляет интерес употребление в составе характеризуемых паремий сложных существительных. Такие структуры выполняют двойную (семантическую и грамматическую) функцию: обозначают негативные качества человека и выступают в предикативно характеризующей функции. Многие существительные сложной структуры в паремиях символически используются в роли культурных знаков языка и соотносятся с разными кодами культуры – с телесным, зооморфным, растительным и предметным: *Дир яс йачани – нуцал-хелеко, ячичлого тани – цлукла-хелеко* «Если женится на моей дочери – смельчак, не женится – трус» (букв. «Если дочь мою возьмет – смелый петух, если не возьмет – трусливый петух»).

Компаративная семантика в рассматриваемых аварских паремиологических единицах выражается, прежде всего, при помощи сравнительных союзов, сочетающихся в присубстантивных сравнениях с именными компонентами, когда обозначаются качества человека (употребляется союз *гIадав/гIадинав* «такой, как; подобный») или с глагольными компонентами, когда уподобительно в приглагольных сравнениях характеризуется поведение человека в определенных ситуациях (используются союзы *гIадин/гIадинан* «как», *книги* «словно», «как»): ср. *ХIалимасе хьиругIадав, хьачIасе квасквасгIадав* «[По отношению] к тому, кто слабее/мягче (букв. «для слабого/мягкого [человека]) такой, как кремень, к тому же, кто грубее/сильнее, такой, как вата»; *Гьой гIадин хIандолев, гьойиде сверулев* «Лающий подобно собаке [человек] в собаку превращается».

Имеют место и бессоюзные компаративные паремиологические единицы. Это, в первую очередь, паремии, где уподобительное значение выражается формой номинатива. Такие компаративные паремиологические единицы можно назвать сравнительно-идентифицирующими: *Гьекьедал – хIелеко, вигьиндал – гIанкIу* «Выпивши – [как] петух, протрезвевши – [как] кураца».

В части таких бессоюзных паремиологических единиц, соотносительных с разными кодами культуры (зооморфным, предметным, антропным), компаративный образ мотивируется обозначением обстоятельств, в которых выражаются те или иные качества человека (в основном лиц мужского пола). По этой причине отдельные паремиологические образы строятся на основе смысловых отношений обусловленности (временной, условной, уступительно-противительной, причинной и т.д.): *Воржине ккани – варани, хIалтIизе ккани – хIинчI* «Если [когда] надо лететь – верблюду [верблюдом прикидывается], если [когда] надо работать – птичка».

Характеризуемые паремиологические образы в основном построены на зооморфной, предметной, природной и антропной метафоре. В таких паремиологических единицах ряд лексических компонентов, ставших культурными знаками языка, выполняет символические функции.

Прежде всего, следует выделить зооморфную символику, когда названия животных становятся национально-культурными эталонами, языковыми знаками, символизирующими через номинации животных различные качества человека. В таких паремиях в основном актуализируются негативные качества лиц мужского пола (*трусость, лицемерие, лень* и т.д.), что свидетельствует о гендерной детерминированности данных образов.

Поскольку рассматриваемые паремиологические единицы носят компаративный характер, то в основном в таких паремиях языковые символы представлены парными номинациями, обозначающими положительные и отрицательные качества человека: *дегIен* (символ важности, высокомерия) – *цIуIе* «коза» (символ трусливости); *гьалбацI* «лев» (символ смелости, силы, отваги) – *гIанкI* «заяц» (символ трусости); *бугьа* «бык» (символ силы, достоинства) – *бече* «теленочек» (символ слабости, никчемности); *оц* «вол, бык»

(символ внешней значительности, силы) – *mlymI* «муха» (символ слабости, никчемности).

Компаративные паремиологические единицы соотносятся с предметно-вещным кодом культуры: *рахъ* «молоко» – *полоп* «пена» (символы белого цвета), *зиз* «колючка» (символизирует злого человека) – *нах* «масло» (символ мягкости, слабости человека), и др.; с природным кодом культуры, в связи с чем в таких паремиях используются получившие символическую интерпретацию названия природных явлений типа *цIад* «дождь», *гIор* «река», *бакъ* «солнце»; а также с антропным кодом культуры – *Вихъизе* – *чи*, *ватизе* – *чухъа* «На вид – молодец, на деле – трус», и др.

В разделе 2.3. «**Морфолого-словообразовательная характеристика компонентов аварских паремиологических единиц, ориентированных на человека**» исследуются особые формы сложных существительных, отражающих информацию о негативных качествах как правило лиц мужского пола: из всего собранного материала только в одной паремиологической единице, характеризующей негативные качества лиц женского пола, представлены сложные слова.

Типичными формами сложных слов, используемыми в предикативно характеризующей роли, являются сложные слова, первая часть которых представляет собой существительное, а вторая аффикс с нулевой суффиксацией, совпадающий формально с краткими прилагательными: *МацIхалат* (*мацI* «язык»), *гIакълукъокъ* (*гIакълу* «ум» + *къокъав* «у которого короткий») «Язык длинный, ум короткий».

Сложные существительные, образованные по общеязыковым и окказиональным моделям, в паремиологических единицах выполняют двойную функцию: они определяют негативные качества человека (=семантически используются как определения) и выступают в предикативно характеризующей функции.

Большая часть существительных сложной структуры используется символически в роли культурных знаков языка и соотносится с разными кодами культуры – с телесным, зооморфным, растительным и предметным.

В ряде характеризуемых паремиологических единиц используются антонимические противопоставления, имеющие узуальный или контекстуальный характер. Такие лексико-семантические противопоставления приводят к формированию сопоставительных смысловых отношений.

В части паремиологических единиц, построенных на основе противительно-уступительных отношений, актуализация одного качества человека приводит к деактуализации другого.

Особого внимания в плане выражения национально-культурных коннотаций заслуживают паремиологические образы, построенные на основе принципа алогизма, а также паремии, в составе которых употребляются названия национально-культурных реалий. Дело в том, что принцип алогизма формирует оценочные образы, равно как и использование наименований национально-культурного характера приводит к формированию эмоционально-оценочного слоя многослойной модальной базы паремий.

Раздел 2.4. **«Функционально-семантическая характеристика экспрессивно-оценочных существительных в аварских паремиологических единицах, ориентированных на человека»** посвящен анализу особенностей употребления экспрессивно-оценочных существительных в аварских паремиологических единицах, что объясняется их употреблением в переносных метафорических значениях. Особенно продуктивно в этой функции употребляются названия животных.

В силу переносно-символического употребления в составе гендерных паремиологических единиц тех или иных зоонимов, характеризующих в основном лиц мужского пола, в целом рассматриваемые паремиологические образы и соответствующие коннотации носят национально-культурный характер.

Достаточно продуктивно в аварских паремиологических единицах, ориентированных на человека, употребляются следующие зоонимы в качестве соответствующих языковых символов: *деглен* «козел» (символ горделивости); *гьалбацI* «лев» (символ храбрости); *хелеко* «петух» (символ задиристости, самодовольства, кичливости); *бугъа* «бык, бугай» (символ физической силы, мощи, напористости); *цIцIе* «коза» (символ трусливости, пугливости); *бече* «теленок» (символ никчемности, глупости).

Компаративная основа таких паремиологических единиц способствует формированию национально-культурных образов и соответственно фрагментов аварской паремиологической картины мира: *Бакъараб хъумур гIадав, хъантIараб гьой гIадав* «Голодному волку подобный, алчной собаке подобный».

Оценочная эмотивность экспрессивно-оценочных существительных, соотносительных с разными кодами культуры, создается разными факторами:

- а) употреблением в паремиях изначально экспрессивно-оценочных существительных,
- б) использованием одушевленных (например, названий животных) и неодушевленных существительных в переносных значениях и их символической интерпретацией в аварской языковой картине мира,
- в) символизацией (позитивной и негативной) имен собственных людей, исторически связанных с определенными жизненными ситуациями,
- г) символической интерпретацией культурных знаков носителями аварского языка.

Перечисленные признаки, взаимодействуя, могут накладываться друг на друга, образуя многослойную семантику и модусные значения паремиологических единиц.

В разделе 2.5. **«Лексический состав и морфолого-синтаксические свойства аварских паремиологических единиц с противительно-уступительными смысловыми отношениями»** анализируются особенности лексического состава и морфолого-синтаксических свойств компонентов паремиологических единиц, в которых реализуются противительно-уступительные смысловые отношения. Такие отношения соответственно

способствует усилению их внутренних образов. Уступка содержит в своей семантике противительный компонент («обманутое ожидание»).

Обращают на себя внимание паремии, в которых противительные отношения, осложненные уступительной семантикой, поддерживаются соответствующим лексико-грамматическим составом паремий, что приводит к формированию экспрессивно-оценочного оттенка соответствующих паремий: *Рокъобго къулгIаги тун, къватIиса лъльгым бачарав* «Имея в доме родник, с улицы воду носит»; *ГIорго бихьилалде, хьитал рахъарав* «Еще реку не увидел, обувь снимает».

Такого типа паремиологические образы через ключевые лексические составляющие соотносятся с разными кодами культуры: телесным (ср. *чехь* «живот», *бер* «глаз»), зооморфным (ср. *оц* «бык», *бече* «теленос», *тIуытI* «муха», *кетто* «кошка»), растительным (ср. *цIибил* «виноград», *гIеч* «яблоки»), религиозным (ср. *как* «намаз», *кIалкквей* «пост, воздержание о пищи», *лаилагъа* «молитва»), антропным (ср. *чанахъан* «охотник», *нуцалчи* «хан, правитель»), пищевым (ср. *чед* «хлеб», *чIагIа* «буза, брага») и др.

Такие культурно-символические лексические составляющие формируют национально-специфические паремиологические образы, ориентированные на человека.

Противительно-уступительные смысловые отношения реализуются в паремиях, структурно соответствующих структурным схемам как простых, так и сложных предложений. В формировании таких отношений участвуют лексико-семантические и морфолого-синтаксические средства специального назначения (например, формы уступительного наклонения глагола).

Оценочно характеризующие антонимические противопоставления, способствующие реализации противительно-уступительных отношений, могут носить как узуальный, так и контекстуальный компаративный характер. Компаративность не всегда эксплицируется соответствующими средствами языка.

Обращают на себя внимание краткие формы прилагательных, выполняющие в паремиях с компаративным слоем семантики предикативные функции, а также финитные и инфинитные (деепричастные и причастные) глагольные формы, актуализирующие компонент «обманутого ожидания» уступительной семантики.

Раздел 2.6. **«Особенности функционирования деепричастий и причастий в составе аварских паремиологических единиц, ориентированных на человека»** посвящен исследованию бессоюзных сложных предложений, в которых в разных функциях употребляются деепричастные и причастные формы глагола. В ряде паремиологических единиц, где употребляются деепричастия (в первой части паремии) и причастия (во второй части), в функционально-семантическом плане причастные формы соответствуют финитным формам глагола. Такие паремиологические образы могут быть построены на основе принципа алогизма: *Как бачIого* [деепр.], *кIал кколев* [прич.] «Не делая намаза, уразу держит».

Отдельные паремиологические единицы с причастиями и деепричастиями, употребленными в предикативной функции, соответствуют местоименно-соотносительным предложениям нерасчлененной структуры в современном русском языке: *Багыана гьечлого* [деепр.], *барщарав* [прич.], *мухь кьечлого* [деепр.], *рекьолев* [прич.] «Кто без причины обиделся, тот без оплаты помирился».

Отдельные паремиологические единицы по характеру смысловых отношений, реализующихся между частями, соответствуют сложноподчиненным предложениям с целевым значением. В таких паремиях деепричастия, употребленные в предикативной функции, обозначают действия, имеющие целевое предназначение, а желаемый результат при этом обозначается причастиями: *Куй хьун* [деепр.], *кIалъазайурай* [прич.], *оц хьун* [деепр.], *юцIуинайурай* [прич.] «Зарезали барана, чтобы заставить говорить, зарезали быка, чтобы заговорить».

Особый интерес представляют паремии с редкой формой причастия от слова *гуро* «нет» в предикативной функции. Такие паремиологические образы характеризуют никчемного человека, от которого ни в какой ситуации нет пользы: *Воржун хIанчIаль гурев, рештIун, гьудуль гурев* «Ни летая среди птиц, ни сев [опустившись] среди воронов». Никчемность, неприспособленность человека к жизненным ситуациям обозначается и употреблением в усилительно-предикативной функции причастных форм одного и того же глагола в обеих частях паремии, усиливающих значение категоричности: *КIалдиб лъураб чIамун бажаруларев, чIамун кьураб кьулчIун бажаруларев* «То, что в рот положили, не может жевать, то, что, прожевав, дали, не может проглотить».

В паремиях деепричастия и причастия самостоятельно выполняют предикативные функции, занимая синтаксические позиции финитных форм глагола. Обычно такие инфинитные формы глагола в паремиях выполняют усилительную функцию и отличаются стилистической окраской. Создаваемые такими паремиями образы имеют ориентированный на человека антропоцентрический характер и соотносятся с разными кодами культуры – с зооморфным, природным, предметным и т.д. В формально-структурном отношении характеризуемые паремиологические единицы соотносятся с разными типами сложносочиненных и сложноподчиненных предложений.

Третья глава «Паремиологические единицы аварского языка как отражение этнокультурной картины мира: особенности языковой концептуализации» посвящена исследованию гендерной концептосферы аварской паремиологической картины мира как когнитивной базы, хранящей представления, знания и мировосприятие носителей аварского языка. Выявляются ключевые слова-концепты, ориентированные на человека, определяются их концептуальные признаки и специфика этнокультурной репрезентации.

Лингвокультурологический аспект изучения аварских паремиологических единиц, ориентированных на человека, способствует более глубокому осмыслению национальной картины мира и выявлению

универсального и специфического восприятия окружающей действительности носителями аварского языка.

Концептосфера аварской гендерной паремиологической картины мира представлена такими концептами, как *двуличный человек, никчемный человек, женщина/жена, бедность, жадность* и др.

Раздел 3.1. «**Концепт «*КIуго гьумералъул чи*» / «Двуличный человек» в аварской паремиологической картине мира»** посвящен анализу образа двуличного человека в лингвистическом и в лингвокультурологическом аспектах.

Паремиологические образы, характеризующие двуличие женщин, представлены единичными примерами. Следовательно, маскулинный гендерный характер анализируемых паремиологических единиц наполняется соответствующими национально-культурными коннотациями, характеризующими в основном лиц мужского пола, для которых лицемерие и двуличие в аварской паремиологической картине мира характеризуются как негативные и недостойные для настоящего мужчины качества, что не соответствует аварскому (дагестанскому) национальному менталитету.

Для характеристики такого человека используются узуальные и контекстуальные антонимические противопоставления, представленные симметрично в двух частях паремиологической единицы: *вецизе – какизе* «хвалить – критиковать», *бокьулев – бокьуларев* «любящий – не любящий», *бахIарчи – хIалихъат* «герой – трус».

Нередко такие антонимические противопоставления связаны с зооморфным кодом культуры, с использованием названий животных, символизирующих соответствующие противоречивые качества человека: *бугъа – бече* «бык» (символ силы, напористости) – «теленок» (символ никчемности, мягкотелости), *хIелеко* – «петух» (символ горделивости) – *гIанкIу* «курица» (символ трусости).

Часто в качестве опорных слов контекстуально противопоставляются слова *вихъизе* «на вид» (*букв.* «видеть») – *ватизе* «на деле», актуализирующие внешнюю, видимую сторону человека и его истинное лицо (внутреннюю сущность): *Вихъизе – бусурбан*, *ватизе – капур* «На вид – мусульманин, на деле – нечистый (=не мусульманин)».

Качество двуличия в ряде образов пересекается с лицемерием, никчемностью, трусостью, моральной безответственностью человека (в основном лиц мужского пола: то, что прощается женщинам по менталитету, не прощается мужчинам).

Сопоставительные смысловые отношения в характеризующих паремиологических единицах, в структурном плане представляющих бессоюзные сложные предложения, реализуются при участии слов антонимического характера, ставших культурными знаками языка.

В разделе 3.2. «**Концепт «*ЧIужугIадан*» / «Женщина» в аварской паремиологической картине мира: лингвокультурологический анализ»** рассматривается специфика лексико-грамматического состава аварских паремиологических единиц, оценочно характеризующих женщин. Аварские

паремиологические единицы, характеризующие жену, носят оценочно-назидательный характер. Положительные или негативные коннотации, выражаемые данными паремиями, определяются степенью соответствия женщины представлениям носителей языка. В связи с этим основными средствами общей оценки жены (*члужу/лъади*) в характеризующих паремиях являются адъективы (прилагательные и причастия): *лъиклай* «хорошая», *квешай* «плохая», *барахщарай* «скупая», а также фразеологические единицы с определительно-оценочной категориальной семантикой: *кIал квеш* «злостыльная», *рукъцIунарай* «бережливая» [букв. «дом берегущая»].

Жена может быть оценена со стороны мужа. Многие из таких единиц носят компаративный характер: *Йокьуларей лъади – бокьулареб квен* «Нелюбимая жена – [что] нелюбимая [=невкусная] еда». Оппозиция *жена – муж* позволяет дать положительную или отрицательную оценку качествам и поведению жены в доме: *Члужу барахщарай лъиклай, рос сахаватав лъикIав* «Жена хороша скупая, муж – щедрый».

Паремиологические единицы, характеризующие женщин, соотносительны с разными кодами культуры: зооморфным (*чу – лъади* «лошадь – жена»), соматическим (*члужу – горболгьод* «жена – шейный позвонок»), предметно-вещным (*члужу – рукъалъул хлуби* «жена – опорное бревно в доме, подпирающее потолок»), природным (*члужу – канлъи* «жена – свет») и т.д.

Оценка жене дается и в связи с ее отношением к матери мужа, к свекрови: *Жийго нуслъун йигей мехаль якъад рихуней, жийго якъад йигей мехаль нус рихуней* «Когда сама невестка [=будучи невесткой] – свекровь не любит, когда сама свекровь [=будучи свекровью] – невестку не любит».

Внешняя красота жены не актуализируется, поскольку привлекает чужие взоры: *Члужу чияр берцинай лъиклай, чу нильерго берциаб лъикIаб* «Жена лучше красивая – чужая, конь лучше красивый – свой».

Оцениваются и такие качества жены, как трудолюбие, чистоплотность, гостеприимство, от которых зависят состояние и благополучие в доме: *Члужу егани, рукъ бегулеб* «Если жена ляжет [=заболеет], дом опрокинется», *члужу квешил гьобол воххун унарев* «Если жена плохая, гость довольным не уходит», *царгъиниб гьури барай, гьороб бакъ барай* «в сундуке [для зерна] – ветер гуляет, в хлеву – засуха (букв. «солнце») гуляет [о ленивой, не заботящейся о хозяйстве женщине/жене]».

Оценочно-экспрессивный характер приведенных паремиологических образов свидетельствует о том, что лень характеризуется как один из существенных недостатков жены. Отсутствие интеллектуальных данных у жены не столь отрицательно оцениваются, сколько отсутствие трудолюбия.

Определенную роль в формировании негативных паремиологических образов женщины играют принцип алогизма и грамматическая семантика конструкций (=противительно-уступительные смысловые отношения).

К числу грамматических особенностей можно отнести предикативное функционирование причастий и кратких прилагательных, а также использование особых адъективных грамматических форм в служебной

функции. Интересно то, что в паремиях, характеризующих образ жены, не употребляются собственно глагольные компоненты, в чем выражается связь грамматики с действительностью.

Лексический состав аварских паремиологических единиц, характеризующих женщин, прежде всего, определяется обозначением тех видов деятельности, которые актуализируются в качестве традиционно приписываемых женщине-жене, хозяйке дома. Лексические составляющие данных паремий по этой причине носят характер женской языковой символики. Соответственно женщина в паремиях оценивается положительно или, напротив, негативно в зависимости от того, насколько она соответствует народному идеалу, представлениям носителей аварского языка об образе женщины-горянки.

В части характеризуемых паремий негативно оценивается неадекватное поведение женщины, неумение слушать и слышать наставления, советы, отсутствие ответственности. Соответственно лексический состав таких паремий (в основном это глаголы и ФЕ) носит несколько другой характер: *бицине* «сказать, советовать, наставлять», *кIал гъезе* «болтать» (ФЕ).

Раздел 3.3. **«Концепт «ПайдагъечI» / «Никчемный человек» в аварской паремиологической картине мира».** Концепт «никчемный человек» носит гендерный характер, поскольку представленные здесь паремиологические единицы отрицательно характеризуют лиц как мужского, так и женского пола. Однако количественные характеристики показали, что отрицательно средствами паремий чаще характеризуются лица мужского пола: количественные подсчеты показывают, что примерно два раза больше паремиологических единиц, формирующих образ никчемных мужчин.

В собственно лингвистическом аспекте рассматриваемые паремиологические единицы представляют интерес тем, что предикатные компоненты в них выражены адъективными формами, что не очень характерно для узуса, так как в стилистически нейтральных предложениях в аварском языке в конечной позиции употребляются финитные глагольные формы.

Интересными в лингвистическом плане явлениями можно считать морфологическое разнообразие предикатных компонентов и то, что в качестве предикатов в ряде паремиологических единиц используется структура, образованная способом сложения с нулевой суффиксацией, что обычно характерно для разговорной речи и паремиологических единиц в целом: *Унев, унев вукIунев* [прич.], *унеб бакIги лъаларев* [прич.] «Идущий, идущий бывает, куда идет, не знает»; *Кваналевги чIоларев* [прич.], *кунеб жоги лъаларев* [прич.] «И ест не останавливаясь, и что ест, не знает».

Характеризуемые паремиологические единицы соотносятся с разными кодами культуры. Прежде всего, обращают на себя внимание гендерно обусловленные паремиологические образы, соотносительные с зооморфным кодом культуры, характеризующие в основном лиц мужского пола: *Воржун хIанчIалъ гурев, рещIлун гъудуль гурев* «Ни в полете среди птиц, ни на земле

среди ворон»; *ГланкГудул ханазул тІамуниги, лал бахъуларев* «Даже из куриных яиц молотьбу устроить не может».

В части паремий использованы зоонимы, символизирующие мужские качества: *бацІ* «волк» (=символ отваги, проворства), *оц* «бык» (=символ упорства, стойкости, физической силы), *хІинчІ* «птица» (=символ свободы, полета) и др.

Имеют место также паремиологические единицы с телесным кодом культуры, что обусловлено гендерной спецификой характеризуемых паремий: *Вегани – хъибил унтулев, вахъани – мугъ унтулев* «Когда ложится – бок болит, когда встает – спина болит».

Отдельные паремиологические образы соотносятся с религиозным кодом культуры, поэтому в таких паремиях употребляются слова типа *Аллагъ* «Аллах», *бусурбан(чи)* «мусульманин», *как* «намаз», *кхъанч* «крест», *капур(ав)* «не мусульманской веры» (=христианин) и др.: *Бусурбанлъун как гурев, капуравлъунхъанч гурев* «Ни намаза как у мусульманина, ни креста как у христианина»

Вещно-предметный код культуры характерен для паремиологических образов, в которых составляющие компоненты обозначают: орудия действия, предметы бытового пользования (*гІаитІи* «топор», *цІилицІ* «веник» и т.д.), продукты питания (*нах* «масло», *чед* «хлеб», *гурга* «вид хлеба», *рижи* «чеснок», *лъльим* «вода»):

Раздел 3.4. **«Концепт «Къарумльи» / «Жадность» в аварской паремиологической картине мира**. Названия национально-культурных реалий и символы как культурные знаки языка придают национально-специфический характер анализируемым паремиям.

Исследование роли лексико-семантического состава паремиологических единиц в формировании образа жадного человека является актуальной проблемой, так как это имеет не только собственно лингвистическую, но и лингвокультурологическую значимость: лексические составляющие паремиологических единиц могут быть наименованиями национально-культурных реалий и носителями национально-специфических коннотаций.

Интересен ключевой компонент *чехъ* «живот», который соотносится с телесным кодом культуры. Использование данного компонента, сопровождаемого различными определительными компонентами, приводит к формированию образа ненасытного (=жадного) человека, в котором негативная оценка обозначаемого качества и коннотации усиливаются причастными компонентами в роли предикатов, употребленными вместо финитных глагольных форм: *Чехъ гІорцІаниги, бер гІорцІуларев* [прич.] «Хоть живот сыт, глаза голодные».

В формировании образа ненасытного человека принимает участие еще один соматизм *бер* «глаз». При этом признак жадности через предикативно характеризующие определительные компоненты усиливается подчеркиванием именно ненасытности глаз: *бер гІорцІуларев* «ненасытный» (букв. «глаза у которого ненасытные»), *бер бакъарав* «ненасытный» (букв. «глаза у которого голодные»). Интересно и то, что в усилительной функции употреблена форма

единственного числа *бер* «глаз» вместо формы *берал* «глаза». Такое явление особенно характерно для паремиологических единиц разных дагестанских языков.

Отдельные паремиологические единицы, отражающие образ жадного/ненасытного человека, структурно и семантически организуются употреблением противопоставлений антонимического характера, что приводит к расширению оценочно-коннотативных возможностей языковых средств в новых синтаксических условиях. Антонимические противопоставления могут носить и контекстуальный характер: *Чехь бакъарав, рукъ мискинав* «Живот у которого голодный, дом у которого бедный».

Косвенно паремиологические образы жадного человека соотносятся с пищевым кодом культуры чему способствуют лексические компоненты типа *кваназе* «есть», *хIарчи* «поднос для еды»: *Жиндирабго чехьаль кварав, чияраб бераль кварав* «Свое животом ест, чужое глазами» (=съев свое, норовит съесть и чужое). В таких паремиях пищевой код культуры накладывается на соматический.

Признак жадности в отдельных паремиологических образах ассоциативно пересекается с отсутствием достоинства, с никчемностью человека, с его низкими морально-нравственными качествами (чаще так характеризуются лица мужского пола, что говорит о значимости гендерного признака).

Актуализация негативных образов лиц мужского пола мотивируется ментальностью носителей аварского языка, которые то, что прощают женщинам, не прощают мужчинам. Категоричность негативных оценок и национально-культурных коннотаций поддерживается уступительно-противительными отношениями, употреблением противопоставлений антонимического характера и принципом алогизма (небывальщины).

В ряде случаев многослойная модально-семантическая база аварских паремиологических единиц, отражающих образ жадного/ненасытного человека, определяется особенностями их лексико-семантического состава. В этих паремиях, как и в других семантических группах паремиологических единиц, используются символические ключевые слова, способствующие формированию соответствующего паремиологического образа.

Раздел 3.5. «Концепт «Мискинлы» / «Бедность» в аварской паремиологической картине мира». Бедность негативно оценивается с точки зрения отсутствия желания человека работать, быть деятельным, трудолюбивым, хозяйственным. Образ бедности в паремиях нередко пересекается с образами ленивого, бездеятельного, безответственного человека, что логически может быть оценено только в негативном плане. Паремии, репрезентирующие концепт «Богатство», в аварском языке представлены единично и не создают целостной системы в паремиологической картине мира, что мотивируется экстралингвистическими факторами – изначальной неактуальностью для аварского (=дагестанского) менталитета понятия «богатый, богатство».

Характеризуемые паремиологические единицы отличаются негативными национально-культурными коннотациями. Интересно то, что в основном отрицательно характеризуется бедность лиц мужского пола, что находит формальное выражение в специальном классном показателе *-в*.

В собственно лингвистическом плане следует отметить регулярное употребление отрицания *гурев* (с показателем первого класса), что соответствует усилению отрицания в русском языке при помощи повторяющегося союза *ни...ни...* (так в обоих языках усиливается отрицательная оценка лица, связанная с его бедностью, бездеятельностью): *Бекъизе хур гурев, глнтIизе оц гурев* «Ни поля, чтобы сеять, ни вола, чтобы пахать»: в данном случае части паремиологической единицы связаны причинно-следственными смысловыми отношениями.

Все подобные ситуации оцениваются как упрек лицу мужского пола, как нечто недостойное для настоящего мужчины, который своим трудом должен достойно содержать дом и семью. Такое противопоставление значения долженствования и отсутствия того, что должно быть, усиливает экспрессивность соответствующих паремиологических образов.

В экспрессивно-оценочном плане представляют интерес слова звукоподражательного характера, выполняющие одновременно текстообразующие и символические функции (такие слова обычно имеют редуцированный характер): *Цогърониб гъваргъвар гурев, гъабуда делдел гурев* «Ни шума [зерна в сундуке], ни гроздьев в саду» (символ отсутствия сада): звукоподражательная субстантивная форма *гъваргъвар* образована от глагола *гъваризе* «греметь, шуметь» и символизирует содержимое деревянного сундука для хранения зерна, а звукоподражательная форма *делдел* образована от глагола *дализе* «висеть» и символизирует висящие гроздья фруктового дерева в саду.

В разделе 3.6. «**Концепты «ШукIальи» / «Трусость» и «Хинкьи гъечIольи» / «Смелость» в аварской паремиологической картине мира**» в сопоставительном плане рассматриваются концепты *смелость/ трусость*. Концепт «трусость» как негативное и осуждаемое в обществе качество актуализируется паремиологическими единицами, характеризующими в основном лиц мужского пола. При обозначении данного качества фразеологическими и паремиологическими единицами аварского языка происходит культурно обусловленная поляризация лиц по признаку биологического пола.

Характеризуемые паремиологические единицы соотносятся с зооморфным, антропным и предметно-вещным кодами культуры. В соответствующих паремиологических образах большую роль играет языковая символика, в основе которой лежит компаративность и которая в ряде случаев носит национально-культурный характер.

Как свидетельствуют примеры, в целях противопоставления смелости и трусости в таких компаративных паремиологических единицах используются как общеязыковые, так и контекстуальные антонимы, обозначающие качества человека и обстоятельства, в которых они проявляются: *анив* «здесь» - *дова*

«там»; *вихъизе* «на вид» - *ватизе* «на деле»; *гъекъедал* «выпивши» - *вигъиндал* «протрезвевши»; *дегIен* «козел» - *цIуIе* «коза»; *бугъа* «бугай» - *бече* «теленок»; *хIелеко* «петух» - *гIанкIу* «кураца»; *ракI* «сердце»; *бугъа* «бугай» - *хIинчI* «птичка».

В таких компаративных противопоставлениях для негативной актуализации трусости лиц мужского пола используются названия животных, которые символизируют внешнюю физическую мощь и моральную слабость мужчин, определительно-обстоятельственные компоненты содержат ироническую мотивацию проявления негативного качества трусости (ср. *гъекъедал* «выпивши» [смел] – *вигъиндал* «протрезвевши» [труслив]).

Выявленные нами компаративные противопоставления, выражающие национально-культурные коннотации, характерны и для паремиологических образов, соотносительных с антропным кодом культуры: *Бальда нахъа – хIалихъат, хIарчда нахъа – багъадур* «За лестницей [на улице] – трус/подлец, за подносом – герой» [= трусливый и подлый, но в еде - герой].

Оценка трусливому человеку может быть дана через отражение в паремиологическом образе его отношения к сильному (=смелому) и слабому человеку, негативно оценивается мнимая «смелость» перед человеком слабее себя: *Бергъарасда гъоркъаги вахъунарев, къурасда тIасаги вахъунарев* «Под сильным лежит [=сильному подчиняется], со слабого не поднимается [=слабого подчиняет]».

На фоне образа трусливого человека особую значимость приобретают гендерные паремиологические единицы, характеризующие смелость, решительность лиц мужского пола: *РечIани- къадалъ къалев, къани- хъуцIилъа вахъунев* «Если кинуть – в стену войдет, если в болоте погрязнет – [сам] выберется».

Примеры свидетельствуют о том, что храбрец и трус часто сопоставляются. Позитивные характеристики смелого человека/героя способствуют актуализации осуждаемых качеств трусливого человека, что соответствует менталитету народа.

К лингвистическим особенностям характеризующих паремий относятся использование антонимических противопоставлений компаративного характера и их морфолого-синтаксические особенности. Морфолого-синтаксическая организация аварских паремиологических единиц, отражающих образы смелого и трусливого человека, отличается своей спецификой: в предикативно характеризующей роли продуктивно употребляются причастия, деепричастия и прилагательные, что не совсем типично для узуса.

В **заключении** диссертационной работы излагаются основные выводы и обозначаются перспективы исследования.

Лексико-семантический состав паремий (пословиц, поговорок и фразеологизмов), мотивирован соответствующими гендерными образами (необходимостью дифференцированной характеристики лиц мужского или женского пола по их различным внешним и внутренним признакам). В сознании носителей языка компоненты соответствующих гендерных

паремиологических образов, получив в историческом плане специфическую интерпретацию, стали символическими культурными знаками языка.

Анализ маскулинных и фемининных фразеологических образов, использованных в текстах разных жанров аварского фольклора (колыбельных песнях и шуточных песнях, коротких стихах и песнях на любовную тематику, героических песнях, балладах и плачах) и актуализирующих «мужской» и «женский» менталитет, с точки зрения их лексико-семантического состава, свидетельствует о том, что они соотносятся с разными кодами культуры. Маскулинны образы, за исключением колыбельных песен, чаще характеризуют внутренние качества и поступки лиц мужского пола. Фемининные образы характеризуют как внешний облик женщин, так и их внутренние состояния, определяемые тематикой фольклорных произведений. В составе таких семантических групп употребляются как обычные слова, связанные по смысловой структуре с актуализацией маскулинных и фемининных образов, так и языковые единицы, получившие исторически в сознании носителей языка своеобразную интерпретацию в качестве «мужских женских символов».

В основе такой интерпретации в основном лежат особенности национального (как общедагестанского, так и аварского) менталитета. Мужская языковая символика при этом связана с актуализацией как позитивных, так и негативных маскулинных образов. В части этих образов пересекаются гендерные и возрастные признаки (например, в колыбельных песнях и плачах).

Как маскулинные, так и фемининные паремии (=фразеологические образы) формируются при поддержке слов конкретных лексико-семантических групп, соотносительных с разными кодами культуры – соматическим, зооморфным, растительным, предметно-вещным, природным, антропным и т.д. При этом продуктивность и характер использования слов различных лексико-семантических групп в составе маскулинных и фемининных фразеологизмов различаются. Так, названия внешних частей тела, небесных светил и объектов растительного мира чаще используются для формирования фемининных образов; имеет место закрепленность тех или иных зоонимов дифференцированно определенными ФЕ гендерного характера. Встречаются и уникальные, национально-культурные образы символической актуализации гендерных образов (например, использование слова *хлуби* «деревянная опора, подпирающая в старинных домах потолок», для обозначения качества надежности мужчины).

Представляют интерес случаи переносного образно-метафорического или метонимического употребления слов для оценочной номинации лиц того или иного биологического пола или их конкретных действий. Принципы и характер переосмысления значений лексических единиц, формирующих гендерные паремиологические образы, с одной стороны, могут иметь единую основу. С другой же стороны, в процесс формирования таких образов включаются национально обусловленные механизмы, мотивированные

различными факторами как лингвистического, так и экстралингвистического характера.

Анализируемый паремиологический материал, особенно использованный в аварском фольклоре, свидетельствует о древнейшей интерпретации некоторых образов в сознании носителей аварского языка, на что указывает преимущественное использование части маскулинных и фемининных образов в фольклорных дискурсах (например, в народных балладах и плачах). Отдельные из этих национально-культурных образов, основанные на принципе алогизма, выполняют усилительные функции на коннотативном уровне, чему есть реальное объяснение: как правило, содержание баллад (или плачей) строится как повествование о драматических (порой трагических) судьбах близкородственных людей.

К другим факторам, обусловившим национально-культурный характер соответствующих образов, можно отнести использование названий населенных пунктов, рек, этнонимов, номинаций исторических событий с участием лиц мужского или женского пола. В фемининных образах национально-культурная специфика создается употреблением лексических компонентов, актуализирующих эстетические качества предметов и животных, а также цветовые характеристики, позволяющие уподоблять лиц женского пола эстетически значимым предметам: ср. *маргъал* «жемчуг», *чинара* «название дерева», *микки* «голубь» и т.д.

Гендерность фразеологических образов национально-культурной специфики актуализируется употреблением слов с антропным кодом культуры типа *вац* «брат», *яц* «сестра», *эбел* «мать» (но не *эмен* «отец») в сочетании с соматизмами (особенно в фольклоре): ср. *тIулбикъарав вац* «родной [по матери] брат» (букв. «печень поделивший [=одной печени] брат», *тIулил яц* «родная сестра (букв. «печени сестра»).

Гендерный признак дифференцированно актуализируется также употреблением символических названий предметов мужской или женской одежды, тканей, старинной обуви (мужской или женской): ср. *тIагъур* «папах» (символ мужского достоинства и чести), *дарайдул горде* «шёлковое платье», *мачуял багIар* «красные чувяки» (символы женской красоты и наряда в фольклорных текстах).

Яркими языковыми средствами, формирующими национально-культурную специфику гендерных паремий, являются топонимы; слова, обозначающие национально-культурные реалии; «мужские» или «женские» языковые символы, ставшие в силу исторической интерпретации культурными знаками языка. Такого типа гендерные образы соотносятся с разными кодами культуры в зависимости от признаков маскулинности или фемининности.

Часть гендерных паремиологических образов, соотносится с религиозным кодом культуры и имеет оценочный характер, усиливаемый использованием повторов союзных частиц или отдельных десемантизированных форм в роли усилительных частиц

Паремии с языковой символикой в основном соотносятся с зооморфным, телесным, предметно-вещным, природным и антропным кодами культуры.

Национально-культурная специфика таких паремий создается также использованием названий национально-культурных реалий. Многие гендерные паремиологические единицы характеризуемого типа строятся на компаративной основе, что связано с особенностями интерпретации носителями языка символически номинируемых объектов действительности.

Большинство гендерных паремиологических образов, построенных на основе принципа алогизма, характеризуются специфическими грамматическими особенностями – использованием причастий в определительно и предикативно характеризующей функции. Признак алогизма в этих паремиях формируется семантически несовместимыми словами, антонимическими противопоставлениями узуального и контекстуального характера, средствами гиперболизации и специфическими глагольными формами уступительного наклонения.

Имеют место особенности лексико-семантического состава паремиологических единиц, ориентированных на человека. Так, группа паремий строится на антонимических противопоставлениях слов разных частей речи, что позволяет актуализировать в основном положительные качества путем деактуализации негативных. Антонимия в паремиях может выступать в качестве фактора, поддерживающего и актуализирующего компаративную семантику.

Компаративная семантика паремий, ориентированных на человека и соотносительных с разными кодами культуры, эксплицируется морфологическими и лексико-синтаксическими средствами. Собственно лексические средства создания компаративности подверглись символизации и отличаются достаточно яркой коннотативной наполненностью.

В морфологическом плане представляет интерес употребление в составе паремий сложных существительных, образованных по общеязыковым и окказиональным моделям. Такие структуры выполняют двойную (семантическую и грамматическую) функцию: обозначают негативные качества человека и выполняют предикативно характеризующие функции.

Морфологические формы компонентов характеризуемых паремий могут быть представлены экспрессивно-оценочными существительными, соотносительными с разными кодами культуры. Эмотивный характер паремиологических образов при этом создается: а) употреблением экспрессивно-оценочных существительных, б) переносным употреблением существительных и их символической интерпретацией в аварской языковой картине мира, в) позитивной и негативной символизацией собственных имен людей, исторически связанных с конкретными ситуациями.

Противительно-уступительные смысловые отношения реализуются в паремиологических единицах, структурно соотносительных как с простыми, так и сложными предложениями. В формировании таких отношений участвуют лексико-семантические и морфолого-синтаксические средства.

Концептуальный анализ аварских паремиологических единиц, ориентированных на человека, свидетельствует о ряде лексико-семантических,

лексико-синтаксических и морфологических признаков, которыми соответствующие паремии характеризуются в качестве концептообразующих.

При актуализации образа двуличного человека в предикативно характеризующей функции употребляются специфические морфологические формы, не характерные для узуса (причастия, деепричастия, полные формы прилагательных). Признак двуличия в ряде образов пересекается с лицемерием, никчемностью, трусостью, моральной безответственностью лиц мужского пола, маскулинность негативных образов мотивируется моральными и нравственными устоями, принятыми в данном языковом сообществе.

В формировании негативных образов женщины важную роль играет принцип алогизма. Большинство паремий фемининного характера носит образно-оценочный характер. Положительные или негативные коннотации, актуализируемые данными паремиями, определяются степенью соответствия женщины представлениям носителей языка об её идеале.

Паремии, актуализирующие образ *жены*, носят оценочно-назидательный характер. Основными средствами общей оценки жены (*чужу/льади*) являются адъективы (прилагательные и причастия) позитивной или негативной семантики. Жена может быть оценена со стороны мужа или по отношению к свекрови, что способствует формированию компаративных образов.

Паремиологические единицы, формирующие концепт «жена», соотносятся с разными кодами культуры – зооморфным, соматическим, предметно-вещным и природным. Внешняя красота жены не актуализируется как привлекающая чужие взоры. Важнее оценка жены как хозяйки дома, от которой зависит его состояние, благополучие. Образ жены во многих паремиях оценивается через противопоставления *жена – муж, невестка – свекровь; ленивая – трудолюбивая, гостеприимная – негостеприимная, хорошая – плохая*, и т.д. Такие паремиологические образы соотносятся с разными кодами культуры, часть из них строится на метафорической основе.

Паремии, формирующие концепт «никчемный человек», в основном носят негативный характер, что диктуется характером самого концепта. Для этих паремий характерны особые формы предикативных компонентов (инфинитные формы глагола), имеют место и особенности лексико-семантического состава. Национально-специфический характер анализируемым паремиологическим образам придают названия национально-культурных реалий и символы как культурные знаки языка.

Многие паремии, отражающие образ *жадного/ненасытного* человека, соотносятся с телесным и пищевым кодами культуры. Функцию предикативно или определительно характеризующих компонентов выполняют в основном причастия и прилагательные с классным показателем гендерности. Негативные национально-культурные коннотации в таких паремиях поддерживаются уступительно-противительными отношениями, употреблением противопоставлений антонимического характера и принципом алогизма.

Гендерные паремии, актуализирующие концепт «Бедность» (*Мискинлы*), в основном отличаются негативными национально-культурными коннотациями: при этом отрицательно характеризуются не только сама бедность, но и обстоятельства, приведшие к бедности: безответственность, бездеятельность, ленивость человека (в основном лиц мужского пола).

Паремии, отражающие образ трусливого человека (в основном лиц мужского пола), носят компаративный характер. Компаративность может иметь эксплицированный специальными маркерами или имплицированный характер. Большую роль в формировании образа трусливого человека играет национально-культурная языковая символика. Оценочный характер характеризуемых паремий создается антонимическими противопоставлениями компаративного характера и их морфолого-синтаксическими особенностями (так, в предикативной функции употребляются инфинитные формы глагола и прилагательные, что не совсем типично для аварского литературного языка).

В фемининных паремиологических единицах, актуализирующих концепт «Женщина», употребляются исторически получившие соответствующую интерпретацию культурные знаки языка. Большинство таких паремий носит образно-оценочный характер. При этом положительные или отрицательные коннотации, выражаемые соответствующими паремиями, определяются степенью соответствия женщины представлениям носителей языка о её идеале.

Различные проблемы лингвистического и лингвокультурологического характера, поднимаемые в диссертации, имеют **перспективы дальнейшего исследования**. Аварские гендерные паремиологические единицы могут быть изучены с точки зрения особенностей их семантико-стилистического и прагматического функционирования в текстах разных жанров – в художественных произведениях, аварском фольклоре, в печатных средствах массовой информации.

Рассмотренные нами культуруносные единицы могут быть исследованы в сравнительно-сопоставительном плане с привлечением материала генетически родственных дагестанских и других неродственных языков. В дальнейшем могут быть исследованы различные паремиологические концепты бинарного характера, которые остались за пределами настоящей диссертации (*дочь – сын, сестра – брат, невестка – свекровь, зять – теща* и т.д.). В этом случае исследованием может быть охвачен корпус не только ядерных, но и периферийных концептов.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ:

1. Мисиева, Л. А. Структурно-грамматическая характеристика гендерных ФЕ в аварском языке/ Л. А. Мисиева// Вестник ДГУ, Филологические науки. Вып. 3- Махачкала, 2011.- С.66-69.

2. Мисиева, Л. А. Национально-культурная гендерная фразеология в аварском и английском языках/ Л. А. Мисиева// Вестник ДГУ, филологические науки. Вып.3, 2014.- С.120-126.
3. Мисиева, Л. А. Семантическая классификация фразеологических единиц, составляющих «образ мужчины» как гендерного стереотипа, в аварском и английском языках/ Л. А. Мисиева, М.Н. Кураева// Фундаментальные исследования. М., 2014. №12 (часть 5). – С. 1115-1119.
4. Мисиева, Л. А. Паремнологические единицы, формирующие концепт двуличный человек в аварском языке (лингвистическая и лингвокультурологическая характеристика) / Л. А. Мисиева // Мир науки, культуры, образования. – 2016. – №1(56). – С.271–274.
5. Мисиева, Л. А. Образ никчемного человека в зеркале аварских паремнологических единиц (лингвистическая и лингвокультурологическая характеристика) / Л. А. Мисиева // Филологические науки. Вопросы теории и практики// Грамота. – 2016. – №1(55). – С.158–161.
6. Мисиева, Л. А. Образ жадного/ ненасытного человека в зеркале аварских паремнологических единиц / Л. А. Мисиева // Ученые записки орловского государственного университета. – 2016. –№4 (73). – С. 185–189.
7. Мисиева, Л.А. Образ человека в зеркале аварских паремнологических единиц, построенных на принципе алогизма / Л. А. Мисиева // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2017. – № 4 (77). – С. 128–132.
8. Мисиева, Л. А. Языковая символика в аварских гендерных паремнологических единицах / Л. А. Мисиева // Филология и человек. –2017. – №1. – С. 106–113.
9. Мисиева, Л. А. Аварские гендерные паремнологические единицы с компонентами сложными словами / Л. А. Мисиева // Вестник чувашского госунивера им. Яковлева. – 2017. – №3 (95). – 2017. – С. 45–49.
10. Мисиева, Л. А. Образ трусливого человека в зеркале аварских паремнологических единиц / Л. А. Мисиева // Мир науки, культуры, образования. – 2018. –№ 6 (73). – С. 550–553
11. Мисиева, Л. А. Концепт бедность в зеркале аварских паремнологических единиц (лингвистическая и лингвокультурологическая характеристика) / Л. А. Мисиева // Филологические науки. – 2018. – №3. – 2018. – С.17–23.
12. Мисиева, Л. А. Употребление экспрессивно–оценочных существительных в составе аварских гендерных паремнологических единиц / Л. А. Мисиева, М.Н. Кураева // Мир науки, культуры и образования. –2018. – №4 (71). – С. 480–484.
13. Мисиева, Л. А. Аварские компаративные паремнологические единицы ориентированные на человека / Л. А. Мисиева // Мир науки, культуры и образования. – 2019. – №2 (75). – С.537–540.
14. Мисиева, Л. А. Гендерные фразеологические единицы со смысловым компонентом очень, соотносительные с зооморфным и растительным кодами культуры, в даргинском и английском языках / Л. А.

Мисиева, Д.С. Самедов // Мир науки, культуры и образования. – 2019. – №2 (75). – С.540–543.

15. Мисиева, Л. А. Аварские паремиологические единицы с противительно-уступительными смысловыми отношениями/ Л. А. Мисиева // Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 11. – С. 235–239.

16. Мисиева, Л. А. Лексико–грамматический состав аварских паремиологических единиц: оценочная характеристика женщин / Л. А. Мисиева // Известия южного федерального университета. Филологические науки. – 2020. – №1. – С.53–61.

17. Мисиева, Л. А. Аварские паремиологические единицы, соотносительные с темпоральным кодом культуры/ Л. А. Мисиева // Мир науки, культуры, образования. 2022. N2 (93). –С. 345-346.

18. Мисиева, Л. А. Религиозный код культуры в аварских антропоцентрических паремиях/Л. А. Мисиева // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2022. Том 37. Вып.2.- С. 64-69.

*Публикации в изданиях, входящих в международные базы
Scopus и Web of Science:*

19. Мисиева, Л. А. К вопросу об образе жены в аварских паремиологических единицах / Л. А. Мисиева // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов, 2016. – №1.– С.135–139.

20. Мисиева, Л. А. Роль антонимов в смысловой организации аварских паремиологических единиц, ориентированных на человека / Л. А. Мисиева // Язык и культура. №39. Томск, 2017. — С. 27–36.

*Статьи в журналах, сборниках научных трудов и материалов
научных конференций:*

21. Мисиева, Л. А. Общие и различительные структурно-грамматические признаки гендерных фразеологических единиц в аварском и английском языках/ Л.А. Мисиева// Языки народов мира и РФ// Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы лингвистики и языкового образования». Махачкала, 2013. – С.147-150.

22. Мисиева, Л. А. Лексико-семантическая поддержка фразеологических образов, связанных с характеристикой лиц мужского и женского пола в аварском и английском языках/ Л.А. Мисиева// 3-я Международная научно-практическая конференция. Научные исследования в сфере общественных наук: Вызовы нового времени. Екатеринбург 2014.- С.21-24.

23. Мисиева, Л. А. Лексико-семантическая классификация гендерных ФЕ в аварском и английском языках/ Л.А. Мисиева// Наука и молодежь - факторы становления инновационного общества// Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Махачкала, 2014. - С. 58-59.

24. Мисиева, Л. А. Гендерные ФЕ, характеризующие лиц женского пола в английском языке/ Л.А. Мисиева// I Всероссийская научно-практическая конференция «Молодые ученые - инициаторы новых подходов в образовании и науке: взаимодействие языков и культур в свете инновационных образовательных технологий» Махачкала, 2015г. – С.168-171.
25. Мисиева, Л. А. Сопоставительный анализ гендерных фразеологических микросистем, семантически ориентированных на человека в аварском и английском языках/ Л.А. Мисиева// II Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная 85-летию ДГУ «Молодые ученые - инициаторы новых подходов в образовании и науке: взаимодействие языков и культур в свете инновационных образовательных технологий». Махачкала, 2016. – С.207-212.
26. Мисиева, Л. А. Лексико-семантические особенности фразеологических единиц, характеризующих лиц мужского пола в аварском языке/ Л.А. Мисиева//Вестник ДГУ. Серия 2. Гуманитарные науки.Том.31. Вып.2. Махачкала, 2016 - С.55-60.
27. Мисиева, Л. А. Особенности функционирования деепричастий и причастий в составе аварских паремиологических единиц, ориентированных на человека/ Л.А. Мисиева// Вопросы русского и кавказского языкознания, выпуск 7. Махачкала, 2017. -С. 83-86.
28. Мисиева, Л. А. Национально-культурная гендерная фразеология в аварском языке/ Л.А. Мисиева// Вопросы русского и кавказского языкознания, выпуск 7. Махачкала, 2017. -С. 160-164.
29. Мисиева, Л. А. К вопросу о символике антропонимов в аварских паремиологических единицах, ориентированных на человека/ Л.А. Мисиева// Проблемы жанра в филологии Дагестана. Материалы 13 Всероссийской конференции. Махачкала, 2017. – С.61-63.
30. Мисиева, Л. А. К проблеме образа мужчины в аварских фразеологических единицах/ Л.А. Мисиева// Материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы изучения кавказских языков». Махачкала, 2017. - С.142-145.
31. Мисиева, Л. А. Актуализация концепта лицемерие в аварской паремиологической картине мира/ Л.А. Мисиева // Языки народов мира и Российской Федерации. Махачкала, 2018. - С.156-159.
32. Мисиева, Л. А. Средства создания алогизма в аварских паремиологических единицах, ориентированных на человека/ Л.А. Мисиева// Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. № 15. Махачкала, 2018. - С. 36-39.
33. Мисиева, Л. А. Лингвистическая и лингвокультурологическая характеристика аварских паремиологических единиц, отражающих образ жены/ Л.А. Мисиева // Языки народов мира и Российской Федерации. Махачкала, 2018. - С. 106-109.
34. Мисиева, Л. А. Концепт «скупость» в зеркале аварских паремиологических единиц. / Л.А. Мисиева //Языки коренных народов Кавказа – важный фактор устойчивого развития, построения мира и

примирения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Кизляр, 2019. – С.125-130.

35. Мисиева, Л. А. Особенности лексико-грамматического состава аварских паремиологических единиц, репрезентирующих «образ женщины» как гендерного стереотипа/ Л.А. Мисиева// Международная научная конференция «Языки и культуры народов России и мира». Махачкала, 2019. – С.556-558.

36. Мисиева, Л. А. К вопросу об употреблении экспрессивно-оценочных существительных в аварских антропоцентрических паремиологических единицах/ Л.А. Мисиева// Материалы 14 Всероссийской научно-практической конференции. Выпуск 15, 2019. – С. 217-220.

37. Мисиева, Л. А. Гендерные фразеологические единицы с компонентами тІул «печень» и чехь «живот», обозначающие родственные отношения в аварских балладах/ Л.А. Мисиева, Д.С. Самедов// Вестник ДГУ. Серия 2. Гуманитарные науки. Том 35, вып.3.- Махачкала, 2020. – С.59-64.

38. Мисиева, Л. А. К вопросу о структурно-семантической организации аварских компаративных пословиц и поговорок/ Л.А. Мисиева// Проблема жанра в филологии/ Материалы XVI Всероссийской конференции.- Выпуск XVII- Махачкала, 2021. - С.321-326.